

ЗОНА СМЕРТИ

Андрей Ливадный

ТИТАНОВАЯ ПОЗА

Зона Смерти

Андрей Ливадный

Титановая Лоза

«Автор»

2009

Ливадный А. Л.

Титановая Лоза / А. Л. Ливадный — «Автор», 2009 — (Зона Смерти)

Стылое, промозглое утро 15 сентября 2051 года... Минуло почти полвека с момента Второй Чернобыльской катастрофы. На этот раз грохнуло сразу в пяти местах. От Соснового Бора под Питером до Курчатовского института в Москве, от новосибирского Академгородка до Казантипа. Одновременные взрывы чудовищной мощности положили начало кошмарному Пятизонью. Трудно представить, что в нем мог кто-нибудь выжить. И тем не менее люди выжили. Новым сталкерам противостояли не только мутанты и аномалии, но и бездушные порождения суперсовременных технологий. Механоиды и сталтехи, автоны и перекачи-зоны – истинные обитатели Пустоши. Этот мир принадлежит им, и без боя они его не уступят. Но отчаянная девушка-сталкер Дарлинг – позывной «Титановая Лоза» – не из тех, кто отступает перед трудностями...

© Ливадный А. Л., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Ливадный

Титановая Лоза

Пролог

15 сентября 2051 года...

Стылое, промозглое, нервное утро.

Еще сумерки. Полоска зари едва тлеет у горизонта. Порывистый ветер гонит клубы пыли среди развалин высотных зданий, треплет полог штабной палатки.

Вокруг мириады огней. Полевые госпитали медицины катастроф, освещенные изнутри болезненно ярким светом, машины со включенными фарами, бронетехника, разметочные сигналы временных вертолетных площадок, габаритные светляки устремленных в небо антенн связи...

А вокруг руины, руины, руины...

Минута тишины.

Разбор завалов прекращен. Все замерли.

Лица людей злые и усталые, техника запыленная, а тишина глухая, отдающая безысходностью второго рассвета после катастрофы, потрясшей Землю.

Очередной порыв ветра все же распахнул полог штабной палатки, и вдруг голос – хриплый, надсаженный, вырвался оттуда, заставляя вздрогнуть спасателей, военных, медиков...

– Пять! Пять взрывов одновременно! – Генерал Шепетов резко встал, едва не опрокинув стул, вскинул руку, растопырил пальцы, словно хотел загрести ими лицо побледневшего полковника, смять его, скомкать, как бесполезные бумаги, что все копились и копились на столе. – Пять взрывов, синхронизированные до секунды! Это не может быть случайностью, совпадением!

Аскетичная обстановка полевого штаба пропиталась атмосферой нервозности. В нездоровом желтом свете плавал сигаретный дым, тускло сияли голографические экраны, бросая землисто-серые отсветы на лица нескольких офицеров.

Не дождавшись ответа от полковника, Шепетов обернулся к тактическому терминалу, коснулся сенсора. В полуметре от него тут же спроецировался полупрозрачный, словно созданный из уплотненного воздуха стереомонитор, в объеме которого возникло изображение группы ученых, столпившихся у карты евразийского континента.

Соединение, установленное с аналитическим центром МЧС России, стало следствием машинального действия безмерно уставшего, почти потерявшего надежду, но еще не сломленного человека. Шепетов находился на грани отчаяния – чувства не свойственного боевому генералу. Впрочем, ощущение безысходности буквально витало в воздухе, его испытывали все, начиная от рядового спасателя и заканчивая высшими чинами Генштаба.

Никто ничего не понимал. Вторые сутки на исходе, а информации – ноль. Вокруг – тотальные разрушения. Пять мощнейших взрывов, повлекших за собой цепную реакцию техногенных катастроф, пробудивших тектоническую активность земной коры, грянули одновременно в пяти точках евразийского континента, удаленных друг от друга на сотни километров.

Масштаб бедствия не укладывался в рассудке.

Генерал молча, будто окаменев, смотрел на экран, погружившись в тяжелые мысли, что кружили водоворотом, тянули в омут отчаяния...

Нет информации... Нет способа послать в зоны бедствий хотя бы беспилотные аппараты. Все попытки завершились провалом – взрывы грянули неожиданно, спутники успели зафиксировать лишь исполинские выбросы миллиардов тонн вещества, атмосфера над эпицентрами катастроф мгновенно помутилась, а затем там начали происходить невозможные, непостижимые с точки зрения современной науки явления, словно сама природа восстала против людей...

Глаза Шепетова сузились, взгляд чуть прояснился. Он вздрогнул, осознав, что уже секунд тридцать молча смотрит на огромную, составленную из сотен экранов электронную карту Евразии, занимающую всю стену аналитического центра МЧС. Пять условных сферических фигур, наполовину утопленных в толщу земной коры, выделяли зоны бедствия: примерно равные по диаметру, они изолировали от остального мира Новосибирский Академгородок, Институт имени Курчатова в Москве, недостроенную атомную электростанцию на полуострове Казантип, в Крыму, атомную станцию в Сосновом Бору и, наконец, уже печально известную зону отчужденных пространств в районе бывшей Чернобыльской АЭС.

– Ну, что вы там столпились?! – не выдержав воцарившейся гнетущей тишины, рявкнул Шепетов, привлекая внимание специалистов аналитического центра. Приближалось время очередного доклада Президенту, а он не мог сказать главе государства ничего нового – в то время как мировые информагентства будто с ума посходили, изливая с экранов, сообщая по радио, распространяя по компьютерным сетям откровенный бред о вторжении инопланетян, падении астероидов, испытании секретного оружия, – он снова и снова расписывался в собственном бессилии...

– Нам удалось произвести вычисления, используя данные сейсмологических и метеорологических станций, а также со спутников, полученные перед их сходом с орбит, – обернувшись к комплексу связи, сообщил руководитель научной группы. – Это потрясающе... – На взгляд генерала, ученый вел себя неадекватно. Что может быть *потрясающего* в картине глобальной катастрофы, стершей с лица Земли целые города?!

– Мы построили математическую модель катастрофы, – как ни в чем не бывало, продолжил профессор Марников. – При ее анализе сделано невероятное открытие! Первоначально существовала «материнская» аномалия, возникшая в гравитационном поле Земли всего на доли секунд. Затем она распалась на пять очагов, представляющих собой сферические деформации поля тяготения планеты!

– Что это дает?! – не выдержав, вспылил Шепетов. – Какой практический толк от ваших умозаключений?! Объясняйте доступным языком!

– Минуту терпения, – кивнул Марников. Сжав сенсор лазерной указки, он выпустил кроваво-красный лучик. – Практический смысл огромен. Надеюсь, генерал, вы понимаете разницу между полый сферой и шаром?

– Естественно!

– Мы доказали, что гравитационные аномалии имеют структуру полых сфер! – торжествуя заключил Марников. – Это значит, что искажения гравитационного поля имеют четкие внешние и внутренние границы, а сила тяготения внутри отчужденных пространств, по нашим предположениям, соответствует норме!

– То есть там сохранились условия для жизни? – встрепнулся генерал.

– Вероятно. Мы не в состоянии прогнозировать последствия произошедших землетрясений и спровоцированных ими техногенных катастроф. Наши вычисления показывают, что каждая из зон бедствий в данный момент окружена Барьером гравитационного искажения. Его глубина, по самым последним данным, составляет три километра для каждого из отчужденных пространств. – Профессор чиркнул лучом по непонятным отметкам, расположенным подле сферических фигур, наполовину утопленных в толщу земной коры. – Повышенное значение гравитации одинаково для периметра всех зон, где произошли катастрофы. Нам удалось уста-

новить, что сила тяготения возрастает постепенно, достигая трехкратной величины на расстоянии полутора километров от внешнего радиуса Барьеров, а затем постепенно уменьшается, если двигаться в сторону изолированных пространств. Барьеры на данный момент стабилизировались. Новые толчки пока не фиксируются. Вероятно, все тектонические сдвиги, связанные со скачкообразным увеличением гравитации, уже произошли.

Шепетов, внимательно выслушав руководителя научной группы, вернулся к рабочему столу, тяжело сел в кресло. Тонкая нить надежды вновь пульсировала в рассудке, он мысленно цеплялся за нее, твердя себе – еще не все потеряно!..

– Что еще удалось узнать?

– Стабилизация Барьеров дала нам возможность начать расчет реальной нагрузки на технику и определить, какие из машин способны преодолеть рубеж повышенной гравитации...

– Считайте! Быстрее! Там вторые сутки люди заперты! Без помощи! – Генерал отвернулся, переключил канал связи, соединяясь со штабом военно-космических сил. – Дмитрий Сергеевич, что скажешь?

Командующий ВКС покачал головой:

– Все аппараты группировки, находившиеся над регионами катастроф, сошли с орбит. Связь по-прежнему прервана, спутниковый контроль территорий утрачен. Пока мы корректируем орбиты других аппаратов...

Генерал махнул рукой: *хватит!*

– Проклятье... – Шепетов вновь открыл телекоммуникационный канал с центром МЧС. – Марников! Мне нужно знать, что стало первопричиной гравитационного скачка!

Профессор в ответ лишь покачал головой:

– По моим сведениям, на нашей планете нет оружия или прибора, способного изменять значения гравитации! Тем более в таких масштабах!

– Пять катастроф произошли одновременно! Теперь вы говорите о синхронном формировании пяти Барьеров. Это, по-вашему, цепь случайностей?! Что мне докладывать Президенту?!

Вопрос уже набил оскомину...

– Мы работаем, – глухо ответил Марников. – Сейчас в качестве гипотезы рассматривается теория гиперточки Сливко-Клейна.

– Ее суть?

– Сложно объяснить в двух словах, генерал. Но я попытаюсь... – Марников замялся, подбирая формулировки. – Вы слышали о многомерном пространстве?

– Нет, – честно признал Шепетов. – Я не увлекаюсь фантастикой.

– В таком случае просто выслушайте. Если источник возникновения «материнской» аномалии расположен в ином измерении, то, согласно теории гиперточки, его проекция на наш мир будет иметь вид нескольких полых гравитационных сфер, при этом математический центр каждого из искажений одновременно является центром любого другого, а также центром аналогичного явления в ином измерении...

– Достаточно!.. – прервал его Шепетов. – Сконцентрируйте все усилия на точных расчетах по технике!

– Зря злитесь, генерал, – внезапно возразил профессор. – По некоторым косвенным данным мы можем предположить, что между пятью изолированными зонами катастроф в данный момент происходят процессы обмена веществом. Если информация подтвердится, мы получим прямое доказательство теории Сливко-Клейна!

Последние фразы Марникова заставили генерала нервно вздрогнуть.

– Не понимаю! Как может происходить обмен веществом между территориями, расположенными на огромном удалении одна от другой?!

– Мгновенно. Я же сказал, согласно рассматриваемой теории, у всех гравитационных сфер существует единый центр в ином измерении. Через него и происходят процессы спорадической транспортировки вещества. Понятия «расстояние», «время» в данном случае теряют смысл... Возможно, вам будет проще понять меня, если вы представите себе гипотетические внепространственные тоннели, связующие между собой центры пяти аномальных зон, и некий «узел», расположенный вне пространства и времени...

– Хватит!.. – Шепетов чувствовал, еще немного, и он окончательно сорвется. – Представьте мне расчеты по вероятной нагрузке на людей и технику при прохождении Барьеров. Нужно проникнуть в отчужденные пространства – это *главная* задача момента! А там посмотрим, на что годны все ваши теории!..

* * *

Пока генерал Шепетов пытался прояснить ситуацию, его заместитель, полковник Земцов, вел переговоры с группой военных строителей.

Выслушав очередной доклад, он обратился к генералу:

– Иван Андреевич, метростроевцы завершили разбор завалов в техническом тоннеле, есть шанс преодолеть Барьер под землей и выйти к Институту Курчатова!

Шепетов задумался.

– Мне доложили, что аномалии имеют форму сфер. Они одинаково мощны под землей, в воздухе, везде!

– Да, но двигаясь по поверхности, техника, вероятнее всего, встанет на рубеже тектонических разломов, – спокойно возразил Земцов. – Расчищенный тоннель свободен, тубинги выдержали нагрузку, нам остается лишь продолжить его еще на сотню метров и вывести на поверхность уже внутри отчужденного пространства!

– Сколько понадобится времени?

– Пять-шесть часов!

– Наконец-то... – Шепетов облегченно вздохнул, вновь вызывая командующего ВКС: – Дмитрий Сергеевич, у тебя группы готовы?

– Да. Ты же знаешь, ждем только «отмашки». Все бойцы экипированы по стандарту действий в условиях иных планет. Герметичные бронекостюмы с сервоусилителями, автономное жизнеобеспечение, боевые сканирующие комплексы, вооружение импульсное.

– Появилась возможность проникнуть в заблокированный район. Кто из твоих готов пойти первым?

– Группа капитана Баграмова, – не задумываясь, ответил командующий. – «Альфа-12», – зачем-то уточнил он.

– Отправляй капитана и его людей сюда, к моему штабу. – Шепетов вновь коснулся сенсора, соединяясь с командующим ВВС России. – Артем Михалыч, появилась теоретическая возможность прорыва через воздушное пространство. Сейчас с тобой свяжутся из аналитического центра МЧС. Нужны лучшие пилоты...

В двух километрах от Барьера...

Кроваво-красное солнце застыло в зените. Пыль не оседала, витая в воздухе. Ласковое тепло бабьего лета скрипело на зубах мельчайшей бетонной крошкой.

За комбинированным ограждением из мономолекулярной проволоки, усиленной лазерными заслонами, на площадке перед разрушенной станцией метрополитена виднелись палатки с опознавательными знаками военно-космических сил России, ровной шеренгой выстроилась

боевая техника, лишь строительные механизмы, припаркованные как попало, нарушали строгий армейский порядок.

Баграмова инструктировал полковник Решетов:

– Твоя задача – пройти через тоннель, дальше вот по этому маршруту. – Полковник активировал электронный планшет. – Егор, мы ничего не знаем, – откровенно признался он. – Ни причины взрывов, ни источника формирования Барьеров, ни обстановки внутри зоны катастроф. Неизвестно, с кем или с чем вы столкнетесь. Синхронность взрывов заставляет предполагать теракт.

Капитан молча изучал маршрут.

– Выходим к сектору лабораторий. Что дальше? – скупое осведомился он. – Задача группы?

– Основная задача – попасть в границы отчужденных пространств. Выяснить обстановку, собрать данные.

– Связь?

– Через тоннель потянешь кабель. На выходе установишь полевой коммуникатор. Но не факт, что он будет адекватно работать, поэтому бойцам – вести постоянную запись событий. Если телеметрия не пройдет, всю информацию передашь на физических носителях.

– Кому? – Баграмова удивляло, что инструкции приходится получать, задавая наводящие вопросы.

Решетов поднял на него воспаленный взгляд покрасневших глаз.

– Ученые рассчитали – вертолеты «Ка-85», двигаясь на максимальной высоте, способны преодолеть Барьер. Отобрали лучших пилотов. Твою группу с воздуха поддерживает лейтенант Хомяков. Позывной – Кайман. Точка встречи обозначена на карте. Ему передашь носители с информацией.

– Понятно. Что с выжившими?

– Ими займутся другие группы. Егор, твоя задача – разведать обстановку, взять под контроль особый стратегический объект и удерживать его. Вот. – Полковник указал на маркер. – Институт имени Курчатова. Сектор секретных лабораторий. Там хранятся результаты исследований и образцы новейших экспериментальных энергоблоков. Они не должны попасть в руки посторонних, а тем более – предполагаемых террористов. Все, – Решетов отключил тактический терминал. – У тебя тридцать минут на подготовку.

Зона катастрофы. Окрестности Института имени Курчатова

Огромная фреза медленно вращалась, вгрызаясь в необычайно твердый, но неоднородный материал, представляющий собой уплотненную гравитацией породу, в которую загадочные силы вкрапили обломки зданий, металлические конструкции, реде – предметы, невероятным образом сохранившие форму и структуру материала.

Вслед за прокладывающей тоннель машиной двигался еще один роботизированный комплекс, автоматически устанавливавший усиленные тубинги; при вращении они герметично смыкались друг с другом, издавая резкий визгливый звук.

В тоннеле трехметрового диаметра некоторое время стоял треск – под воздействием аномально высоких сил гравитации происходила неизбежная осадка конструкции, пауза длилась десять-пятнадцать минут, после чего под потолком очередного пройденного участка включались приборы освещения.

Тоннель постепенно принимал положительный уклон, наконец огромная фреза вытолкнула на поверхность несколько обломков бетона и с глухим затухающим воем остановила вращение; в тоннель хлынул мутный дневной свет, обе машины медленно выползли наружу и

застыли неподалеку от отверстия в земле, обрамленного фрагментами взломанной железобетонной конструкции...

...Час спустя в недрах проложенного механизмами хода послышались неясные звуки, похожие на мерную, ритмичную, тяжелую поступь, сопровождаемую тихими всхлипами монотонно работающих сервомоторов.

Звуки приближались, становились все явственнее, четче, пока в тусклом свете потолочных панелей не показалась первая человеческая фигура, облаченная в тяжелый бронированный костюм, похожий на выполненный из металлокерамики скафандр, снабженный механическими усилителями мускулатуры.

– Альфа-12 – Первому. Докладываю. Прошли зону повышенной гравитации.

– Первый на связи. Как ощущения?

– Тяжело. Будто все тело свинцом наливается. Механическая мускулатура помогает, иначе не сделали бы и шага.

– Выдвигайся к выходу из тоннеля. Всем бойцам вести постоянную запись событий.

– Я помню, – глухо ответил командир спецподразделения.

Капитан Баграмов первым выбрался на поверхность, метнулся за ближайшее укрытие и замер, напряженно осматриваясь.

Открывшаяся панорама резанула по нервам Егора подсознательным, интуитивным ощущением смертельной опасности. Он не увидел ничего похожего с выданной ему электронной картой местности, никакого намека на присутствие выживших, да и мог ли кто-нибудь выжить?

В пространстве за Барьером неведомая сила полностью перепланировала рельеф, словно земную твердь размяглили, смяли причудливыми складками и...

– Первая пара, вперед!

Лиловые небеса змеились искажениями, сочились неживым светом, словно смотришь в бездонный колодец и не видишь ни облаков, ни солнца, только вездесущее сияние депрессивных лиловых оттенков.

– Зарубин, установить средства связи!

Вокруг в хаотичном, немыслимом смещении высились угловатые фрагменты зданий, меж ними виднелись застывшие пологими волнами, уводящие в небеса участки тротуаров и улиц... Взгляд капитана скользнул дальше, наткнулся на скрученный в узел, переплетенный с кусками кованой ограды фонарный столб, косо застывший в нескольких метрах от точки выхода, словно позабытая скульптура безумного художника-авангардиста...

Тишина оглушала.

Поначалу она казалась зловещей и абсолютной – после утомительного марш-броска через зону с повышенным значением гравитации в ушах стоял назойливый гул, но постепенно он истаял; капитан услышал протяжное поскрипывание, посмотрел в ту сторону и увидел валяющийся на потрескавшемся асфальте лист кровельной жести, по которому периодически пробегали плавные волны, – он изгибался, словно живой, не смещаясь при этом ни на сантиметр.

Дыхание бойцов в коммуникаторе шлема участилось. Они попарно покидали тоннель, занимая позиции в ожидании команд.

Снова покосившись на лист железа, по которому с завидной периодичностью пробегали волнообразные конвульсии, капитан понял, что электронные карты, полученные от командования, можно смело стереть с запоминающих устройств. Тактическая система не нашла ни одного ориентира, привязка к местности утрачена, и теперь их единственная зацепка – зев прорытого машинами тоннеля да направление на объект.

Взгляд по сторонам не предвещал ничего хорошего.

Окружающее пространство выглядело зловеще. Четыре «улицы», поднятые над уровнем руин, плавно изгибались застывшими вздыбленными волнами асфальта, причудливо переплетались, постепенно уходя ввысь, исчезая в лиловой дымке.

На фоне невероятных картин тотального разрушения резко выделялись цепочки фонарных столбов – они выглядели нетронутыми, лишь некоторые сломаны либо скручены, с остальных, оставшихся ровными (будто они – вызов окружающему хаосу, невольно подумал Егор), свисали порванные провода, а вот с ними-то как раз творилось нечто неладное: при полном отсутствии ветра провода раскачивались, свивались в кольца, пружинистыми спиралями пытались дотянуться до исковерканной земли, искрились, что выглядело совершенно невозможным...

– Юрко, что на сканерах? – Баграмов в потусторонние силы не верил, не раз убеждаясь на практике, что большинство явлений только выглядят необъяснимыми...

– БСК¹ в сбое, командир. Пять-шесть метров, дальше не берет. Тут вокруг непонятные энергетические поля.

Ладно. Искры пока что спишем на статику. – Егор обернулся, жестом приказав двум разведчикам выдвигаться на рубеж двадцати метров, усилием воли отогнал непонятно откуда накатившую жуть, взглянул в небеса и, не заметив там никакого движения, выдохнул в коммуникатор:

– Сенченко, Данилов, ко мне!

Двое бойцов выросли за спиной, как тени.

Справа, на удалении от зловещих, уводящих в высь дорог, Баграмов заметил крупный фрагмент многоэтажного здания. Создавалось впечатление, что обломок монолитной бетонной постройки был поднят в воздух, а затем рухнул обратно – вокруг него просматривалось подобие кратера – ровная округлая площадка, окруженная кольцевым валом различного строительного мусора.

– К зданию. Проверить сканерами остойчивость, занять позицию, прикрывать продвижение группы. – Отдав приказ, Егор снова вызвал Юрко:

– Саша, что с дорогами? На чем они держатся?

– Гравитационная аномалия, командир. Сейчас пытаюсь определить точную границу «пятна» пониженной силы тяготения.

– Работай.

Ни хрена себе!.. – Егор вновь ощутил неприятный холодок. По всему получалось, что армированное стекловолокном дорожное покрытие сначала подверглось воздействию высокой температуры, деформировалось, а затем отслоилось и застыло, удерживаясь в поле пониженной гравитации, сохраняя целостность лишь за счет конструктивной прочности материала.

– Юрко?

– Передаю данные. Граница аномальной зоны нанесена на карту.

– Сенченко?

– На позиции. В здание не пошли, оно все растрескалось, на одной арматуре держится. На подступах – непонятная серебристая поросль. Сканируется как чистый металл.

Осмыслив полученную информацию, Баграмов мысленно проложил маршрут движения. Если по дороге не будет сюрпризов, то через полчаса группа выйдет к тому месту, где до катастрофы находился Институт имени Курчатова.

Передав данные по маршруту, он негромко скомандовал:

– Парами вперед! Прикрываем друг друга. Один сканирует, второй контролирует обстановку визуально! Пошли!

* * *

Четырнадцать километров...

¹ БСК – боевой сканирующий комплекс.

На полигоне, в полной экипировке, используя механическую мускулатуру, Егор преодолел такое расстояние за полчаса.

Группа продвигалась медленно, бойцы сканировали каждый метр прилегающего к маршруту пространства, выявляя все новые «пятна» гравитационных аномалий, которые они были вынуждены обходить. Постепенно взгляду открывалась совершенно новая реальность. Кровь стыла в жилах от попытки представить, что именно творилось тут в момент катастрофы...

Здания, дороги, коммуникации – все перемешано в немыслимых сочетаниях, в некоторых местах многотонные обломки строений были необъяснимым образом внедрены друг в друга, часто попадались фрагменты строительных конструкций, из которых выступали поверхности других «объектов», начиная от различных труб и заканчивая бытовыми приборами, словно в какой-то момент бетон стал мягким, как пластилин, а сотни различных предметов просто «погрузились» в размягченную субстанцию, оставшись навек замурованными в ней.

Ни людей, ни птиц, ни животных. Даже растения исчезли.

На чудом уцелевших фрагментах дорожного покрытия, на стенах перекошенных зданий – следы пожаров, взрывов, бурые потеки воды, подпалины от ударов высоковольтных разрядов электричества – все признаки цепной реакции технических катастроф. Периодически на пути группы попадались завалы, состоящие из машин, видимо, ударная волна сметала их с автомагистралей... а метров через сто, поднявшись на очередную «возвышенность» исковерканного рельефа, они вдруг оказались перед ровным участком поверхности размером с футбольное поле, где смятые автомобили, куски зданий и оплывшие горы земли соседствовали, словно неведомый исполин вытряхнул их тут из прохудившегося пакета.

Через полтора часа, пройдя по вогнутой стене лежащего плашмя двенадцатиэтажного здания, они оказались на краю «обрыва» – крыша строения уходила вниз тридцатиметровой пропастью, а в полукилометре, во впадине, взгляд Баграмова вдруг зафиксировал знакомые очертания построек.

Не может быть!..

Институт...

Но как он уцелел среди тотальных разрушений?!

Бойцы группы рассредоточились по краю обрыва – снизу долетал непонятный, басовитый многоголосый гул.

– Сканируем! – машинально приказал Егор, включая систему оптических умножителей боевой экипировки.

Рядом со зданиями института вращался огромный мутный вихрь.

Цифровые камеры шлема, укрупняя фрагменты кадров, записывали их, система боевого распознавания целей внезапно подсветила алым несколько контуров...

Егор с трудом верил своим глазам. Секундное замешательство едва не заставило его усомниться в здравости собственного рассудка.

На огромном пространстве, расползаясь в разные стороны от мутного смерча уплотненного воздуха, медленно продвигалась различная техника: издали это выглядело так, будто сонмище жуков прокладывало себе путь, карабкаясь по горам строительного мусора, но стоило приблизить изображение, как взгляд тут же различал контуры механизмов. Баграмов в немом изумлении созерцал поржавевшие бульдозеры, экскаваторы, тягачи, испятнанные серебряными кляксами непонятной субстанции, заполнившей пробоины в корпусах машин...

Система распознавания целей продолжала бить тревогу, отметив присутствие семи древних БМП, снятых с вооружения лет пятьдесят назад.

Первый вопрос – *откуда тут им взяться?* – казался актуальным пару секунд, не больше.

Внезапно, без видимой причины и предварительной подготовки, внизу вспыхнула яростная схватка.

Егор даже не успел выкрикнуть приказ своим бойцам – все свершилось в считанные мгновения, – один из бульдозеров, густо облепленный непонятными нитями серебристой паутины, вдруг лихо развернулся, отработав одной гусеницей, и два плазменных сгустка, вырвавшись из его кабины, ушли в разные стороны: первый ударил в ближайшую БМП, превратив ее в гудящий сноп огня, а второй, похожий на огромную переливающуюся шаровую молнию, врезался в отвесную крышу здания, на краю которого в этот момент находилась вся группа «Альфа-12».

Еще миг, и сотни ветвящихся молний объяли лежащую на земле двенадцатиэтажку, обнимая здание корявыми, изломанными разрядами; Егор почувствовал, как вздрогнула многострадальная постройка, и вдруг...

Здание на миг подернулось маревом искажения и начало рассыпаться.

Егора сбросило вниз, но вместо болезненного удара о землю он ощутил, что очень медленно падает, словно снизу его поддерживала незримая сила, затем, не дав толком ни испугаться, ни осмыслить происходящее, над зоной пониженной гравитации рванул мощный порыв ветра и человеческую фигурку в боевой броне, словно пушинку, понесло прочь, в сторону зданий института, навстречу медленно вращающемуся вихрю замутненного воздуха.

Тишина.

Он не помнил, потерял ли сознание, или прошли всего доли секунды после удара плазменного сгустка?

Егор попытался пошевелиться.

Земля и камни, засыпавшие его, поддались под напором сервомускулов, он приподнялся на одно колено, успев удивиться тому, что во время головокружительного полета не выпустил из рук ИПК.

Мысли еще путались, губы кривились, приказ бойцам группы – немедленно доложить – спазмом застрял в горле, ощущение ватного бессилия сводило с ума, он вскинул голову и вдруг увидел вертолет: «Ка-85», окутанный сполохами ракетных запусков.

Молчавший коммуникатор внезапно ожил:

– Кайман... нахожусь под ударом... – Голос пилота едва прорвался сквозь треск помех.

Неясная тень метнулась вверх от вспаханной взрывами земли, и Егор увидел, как неведомая сила ударила в «вертушку», сминая бронированную кабину, а затем небеса поглотил оранжево-черный взрыв.

Медленно вращавшийся в десятке метров от Баграмова мутный смерч вдруг запульсировал, расширился, жадно подхватил тело капитана и поволок его в круговое движение, ударяя о камни, выступы бетона, туда, где гнездилась абсолютная тьма...

Глава 1 Пустошь

Четыре года после катастрофы. Пятизонье...

Раннее утро.

Время редкого затишья, когда пепельный туман пустоши окутывает изувеченную катастрофой землю, ползет серыми языками по сети оврагов, беззвучными ленивыми гейзерами выплескивается из тектонических трещин, кружит над аномальными участками, выдавливаясь в форме гротескных фигур.

Идеальная пора для сбора н-капсул. Здесь, в самых опасных регионах отчужденных пространств, встречаются очень редкие виды металлорастений, чьи свойства уникальны, а плоды бесценны. *Хотя*, – мысленно поправилась Дарлинг, – *торговцы всегда готовы назвать конкретную стоимость того или иного артефакта.*

При других обстоятельствах она непременно бы задержалась на пару часов, побродила по окрестностям – пепельный туман часто преподносит сюрпризы смелому и пылливому сталкеру, умеющему обойти ловушки, но сегодня ее вело дело более неотложное и важное, чем поиск техноартефактов или сбор металлических плодов, зреющих в утолщениях ветвей автонов.

Вот уже сутки Дарлинг шла по следу наемников. Для сталкера среднего уровня способностей смена трех зон отчуждения за столь короткий период времени – действие практически невозможное. На стремительную погоню не хватит ни выносливости, ни энергии имплантированных накопителей, ни зарядов для оружия. Каждая из пяти изолированных от внешнего мира территорий встречает чужака кордонами доминирующих группировок, изувеченные катастрофой пространства полнятся противоестественной механической «жизнью», зачастую более опасной, чем вооруженные отряды сталкеров. Кругом руины, аномальные физические явления, ловушки, преграды – каждый метр территорий, оказавшихся внутри периметра Барьеров, готов отнять жизнь человека сотней различных способов, но Дарлинг не зря получила позывной Титановая Лоза. Как редчайшее металлорастение, она сосуществовала с отчужденными пространствами во взаимной привязанности, умела видеть жестокую красоту смертельно опасного мира, и Пятизонье зачастую отвечало взаимностью, питая жизненные силы Дарлинг из своих потаенных источников, помогая Титановой Лозе выносить предельные нагрузки.

Наемников было четверо.

Матерые, выносливые, жестокие, они старались продвигаться быстро и скрытно, но если на пути вдруг вставал блокпост или лагерь, который не обойти стороной, живых свидетелей они не оставляли.

Те, кто приходил в Пятизонье извне, обычно делились на две категории. В первую входили проводники, промышляющие тем, что за определенную мзду помогали преодолевать Барьеры всем желающим, они же поставляли мелкие партии товаров торговцам Приграничья. Как правило, проводники представляли интересы мелких криминальных групп, не рисковали углубляться в отчужденные пространства далее чем на пару километров и вообще старались избегать неприятностей, зная, что любое нарушение герметичности защитной экипировки приведет к необратимым, губительным последствиям.

Вторую категорию составляли уже серьезно подготовленные ходоки, работающие на крупные транснациональные группировки, рассматривающие Пятизонье как надежный источник сверхприбылей. В отчужденные пространства нелегально поставлялось оружие, медикаменты, продовольствие, а отсюда импортировались техноартефакты, частицы металлорас-

тений, капсулы со скоргами, фрагменты механизмов, претерпевших изменения вследствие протекающих тут стремительных процессов эволюции техносферы.

Наемники, по следу которых шла Титановая Лоза, представляли так называемый техносиндикат – одну из международных криминальных структур, тесно связанную с ведущими мировыми корпорациями, заинтересованными в получении уникальных образчиков технологий, источником которых являлись аномальные пространства.

Дарлинг не любила пришлых. Мир Пятизонья жесток, но даже самому суровому его обитателю он по-своему дорог. Тем, кто приходит из-за Барьеров, не понять этого сокровенного чувства, живущего в глубине самых очерстневших сталкерских душ. Они здесь – незваные гости. Их холодное равнодушие к окружающему, одинаковое безразличие, с которым пришельцы устраняют помехи, встающие на пути, неважно, будь то поросль металлорастений, опорный пункт сталкеров или эволюционировавший механизм, охраняющий «свою» территорию, выдают в них чужаков, хорошо тренированных псов, выполняющих *работу*, – им ничего не дорого, не свято, кроме денег, полученных за очередной рейд...

...Двигаясь по едва приметной тропе, заросшей молодыми побегами металлокустарника, Дарлинг не упускала ни одной мелочи. В пепельном тумане все виделось серым, призрачным, свидетельства былой жизни, прерванной катастрофой пятьдесят первого года, попадались едва ли не на каждом шагу. Здесь, в пустоши, они выглядели особенно жутковато, таинственно, хотя ощущения Титановой Лозы, скорее всего, были субъективны. Она почти не помнила своего прошлого, все, что предшествовало потрясшему Землю катаклизму, выцвело, поблекло, потерялось в череде имплантаций, произведенных мнемотехниками Ордена.

Она не боялась исчадий Зоны, но вздрагивала, когда из серого клочковатого тумана внезапно появлялся фрагмент здания, с зияющими провалами окон, за которыми в сумраке угадывались изломанные предметы мебелировки, или путь вдруг преграждал древний ветхий заборчик, с примыкающим к нему фрагментом клумбы, осколком фонтана, с изувеченной скульптурной группой, – каждый раз Дарлинг невольно пыталась дорисовать в своем воображении картину из прошлого, но ничего не получалось, лишь серые, безликие тени толклись на пороге сознания...

...Чувство тревоги, резкое, будто удар энергетической плети, накатило внезапно, заставив ее остановиться, машинально вскинуть оружие и активировать импланты второго уровня.

Метрах в двадцати пролегла свежая просека. Наемники воспользовались ею, но Дарлинг разумно остерегалась «торных дорог», зная, что ходить по недавним просекам – только дразнить судьбу. В Пятизонье подобный след оставляют либо физические аномалии, либо крупные стаи механоидов, движущихся путями своих загадочных миграций.

Ощущение приближающейся угрозы нарастало с каждой секундой.

Титановая Лоза застыла, анализируя данные, поступающие от имплантированных датчиков. Наемникам, пришедшим извне, никогда не сравниться со сталкером-универсалом. Здесь другая реальность, живущая по иным законам. Что способны воспринять от нее боевики техносиндиката, закупорившиеся в герметичных бронескафандрах, полностью полагающиеся на штатные системы обнаружения, действие которых сейчас блокировал пепельный туман?

Дарлинг не зря проявила беспокойство. Она хорошо знала, сколь мощный, самодостаточный, опасный, полный смертельных превратностей мир простирается вокруг. Здесь нет проверенных троп или торных дорог...

Остановившись, Титановая Лоза прислушалась к своим ощущениям. Она сконцентрировалась на ментальном восприятии пустоши, анализируя воспринимаемые имплантами эманации окружающих энергий, пока сознание не синтезировало скупой, схематичный, но точный по сути образ трех бредущих по просеке сталтехов – опаснейших исчадий Пятизонья...

Наемники, еще не подозревая о приближении биомеханических обитателей пустоши, шли прямо на них.

Досадуя на самоуверенную глупость пришельцев, решивших облегчить себе путь, Дарлинг мысленно обругала их последними словами. Теплых чувств к наемникам она не испытывала – на запутанном маршруте Титановой Лозе не раз приходилось бороться с искушением, – она могла воспользоваться множеством удобных моментов и тихо вырезать группу, но каждый раз сдерживала себя, памятуя о цели рискованной погони.

Ну не охранять же их? – возмущенно подумала Дарлинг, но тут же осеклась в мыслях. Командор Хантер поставил перед ней конкретную задачу: отыскать расположенную за Барьером базу техносиндиката. Орден сталкеров не отказывался от сотрудничества с внешними силами, но, как и любая крупная, уважающая себя группировка Пятизонья, предпочитал владеть всей полнотой информации о «деловых партнерах», даже если те старались сохранить в тайне некоторые аспекты своей деятельности или дислокации.

Теперь самоуверенность наемников грозила свести на нет все усилия предыдущих суток. Если они банально погибнут, то Дарлинг придется возвращаться в Цитадель Ордена ни с чем, а такой расклад совершенно ее не устраивал.

* * *

Три сталтеха, появившиеся на просеке, когда-то были людьми.

Тот, кто ни разу не сталкивался с подобными существами, издавек мог бы принять их за предельно истощенных сталкеров, из последних сил бредущих по своим делам, но стоило присмотреться повнимательнее, и обманчивое внешнее сходство моментально рассеивалось, и даже у бывалого, закаленного превратностями аномальных пространств бойца по спине вдруг пробежала непроизвольная дрожь.

Одежда и экипировка сталтехов, как правило, представляла собой лохмотья, плоть фактически отсутствовала, лишь кое-где болтаясь мумифицированными фрагментами, вместо мышц металлизированные кости скелета оплетали тонкие, скрученные в подобие жгутов серебряные нити, в глубине провалившихся глазниц тускло-красное сияние выдавало работу каких-то устройств, заменивших человеческие органы восприятия, скрюченные пальцы все еще сжимали оружие, но работало оно или нет, оставалось лишь догадываться.

Грянувшая несколько лет назад катастрофа необратимо изменила не только пять отчужденных пространств, но и их обитателей. Биосфера безвозвратно погибла, а на изолированных Барьерами территориях неожиданный карт-бланш получила техносфера, в буквальном смысле «проросшая» на руинах опустевших городов.

Скорги – микроскопические металлизированные частицы, способные создавать сложные самоорганизующиеся структуры, – стали основой всего техноса Пятизонья. Никто в точности не знал, как и откуда появились их первые колонии, породившие металлорастения, – догадок и гипотез существовало множество, но ни одна из них пока не получила прямого подтверждения.

Дарлинг привыкла опираться не на теории, а на данность. Титановая Лоза скептически относилась к предположениям различного толка. Выжить среди губительных пространств помогал лишь реальный, подтвержденный практикой опыт, а он упрямо свидетельствовал, что примитивные агломерации скоргов не появлялись из ниоткуда, а созревали в н-капсулах на ветвях автонов. Достигая определенного размера, они чаще всего просто падали на землю, давая начало новой поросли металлокустарников, но случись зрелому плоду, взрываясь брызгами серебряистой субстанции, запятнать ею человека или механизм, как поведение микрочастиц радикально менялось. Стремительно размножаясь, скорги начинали создавать колонии нового типа, безжалостно реконструируя захваченный «носитель», сообразуясь с понятной лишь им трактовкой определения «функциональность», превращая какой-нибудь старый, давно проржавевший механизм или проявившего беспечность сталкера в *ничто*, отвечающее только одному признаку – способности вести эволюционную борьбу, жестко и успешно конкурировать

с другими порождениями Зоны, выигрывать в естественном отборе, сражаясь за территории, богатые ресурсами или источниками энергии, за право «утилизации» поверженного противника и присвоения его уникальных подсистем.

Условно «носители» скоргов классифицировались Орденом по признаку изначальной принадлежности: «сталтехами» называли пораженных проказой Зоны людей, а «механоидами» – реконструированные скоргами механизмы.

Военные и ученые придерживались иной классификации, но Дарлинг принадлежала Ордену и оперировала привычными для нее терминами.

Выяснить потенциальную опасность сталтехы или механоида несложно. Реконструкция скоргами захваченного носителя не происходит мгновенно, следовательно, чем значительнее видимые невооруженным глазом изменения, тем выше боевые возможности противника.

Титановая Лоза активировала зрительный имплант.

Выбранный фрагмент реальности рванулся навстречу, на миг стал нечетким, словно воздух превратился в матовое стекло, затем рассудок привычно отфильтровал помехи, отсеивая пелену тумана, и она *увидела* сталтехов.

Двое получили изменения не так давно – их плоть еще не успела разложиться, лишь посинела и вздулась, отливая многочисленными серебристыми вкраплениями, поблескивающими сквозь прорехи изодранной одежды, а вот третий представлял серьезную угрозу. Он был инфицирован скоргами так давно, что успел превратиться в металлизированный эндоостов, оплетенный тонкими жгутами серебристых нитей, выполняющих функцию мышц. Двигаясь во главе группы, старый сталтех, покрытый шрамами, демонстрировал явное лидерство. Его походка была мягкой, уверенной, без конвульсивных подергиваний, в то время как двое тащившихся чуть позади то и дело спотыкались, существенно замедляя продвижение группы.

Впрочем, торопиться им некуда... – мысленно рассудила Дарлинг, убирая за спину бесполезный в данной ситуации ИПК. Доли секунды она колебалась, делая выбор между энергетической плетью и армганом,² затем касанием сенсора активировала лазерный излучатель, закрепленный на правой руке от запястья до локтя.

Попадать в поле зрения наемников не хотелось. Оценив соотношение сил, Титановая Лоза рассудила, что избавившись от старого, наиболее опасного сталтехы, она окажет боевикам синдиката достаточную помощь. С остальными двумя пусть справляются сами. Дарлинг совершенно не волновало, погибнет ли кто-нибудь из наемников в назревающей схватке, – ей было вполне достаточно, чтобы выжил хотя бы один из них...

* * *

Визуальный контакт наемников со сталтехами произошел неожиданно для обеих сторон. Из-за экранирующих свойств пепельного тумана потенциальные противники обнаружили друг друга на дистанции прямой видимости, когда их разделяли считанные метры.

Нужно отдать должное боевикам техносиндиката – они растерялись лишь на мгновение, но в пустоши и такого промедления порой бывает достаточно, чтобы пополнить ряды нежити.

Дарлинг, слушая частоту наемников через мью-фон,³ различила лишь сиплый предупреждающий вскрик:

– Сталтехи!

Двое, что несли увесистый контейнер с н-капсулами, бросили бесценный груз, метнувшись в стороны, командир группы и замыкающий открыли огонь из короткоствольных импульсных автоматов, но очереди, попадая в цель, не причиняли противнику особого вреда –

² *Армган* – сленговое название общевоинского лазерного излучателя.

³ *Мью-фон* – устройство связи, добываемое из подбитых механоидов.

игольчатые пули бесполезно рвали и без того мертвую плоть либо, высекая искры, рикошетили от армированных колониями скоргов чрезвычайно прочных металлизированных костей.

Открыв стрельбу, наемники в лучшем случае выиграли несколько секунд. Три человекоподобные фигуры, сбитые с ног, не успели огрызнуться в ответ, но с них станется, подумала Лоза, выжидая, пока боевики техносиндиката либо сами справятся с ситуацией, либо настоящему запаникуют – тогда ее вмешательство в схватку станет неизбежным, но, возможно, останется незамеченным.

Не справились.

Вместо того чтобы проявить разумную осторожность и скрыться вместе с грузом, наемники продолжали стрелять, теперь уже в четыре ствола. Вероятно, они были уверены, что игольчатый боеприпас ИПП, на короткой дистанции крошащий бетон в мелкую пыль, решает абсолютно все проблемы в этом мире...

Дальнейшие события походили на дурной сон.

Дарлинг, успев сменить позицию, видела место схватки как на ладони. Установив арман на максимальную мощность, она вскинула руку с закрепленным поверх брони оружием, прицелилась, но выстрелить не успела – старый сталтех, демонстрируя внезапную смертоносную грацию, привстал на колени и прыгнул, сокрушительным ударом проломив бронированное забрало гермошлема ближайшего противника, вбив острые осколки сломанных лицевых костей в мозг наемника.

В эфире захлебнулся нечеловеческий вопль.

Два более медлительных сталтеха, с которых очереди импульсного оружия лишь сорвали остатки вздувшейся плоти да оцарапали металлизированный скелет, неуклюже поднимались на ноги, намереваясь присоединиться к вожаку, застывшему над трупом бьющегося в конвульсиях противника.

По руке старого сталтеха медленно стекали тягучие ручейки серебристой субстанции, капающая в пролом окровавленного забрала боевого шлема погибшего – это колония скоргов торопилась размножиться, стремясь захватить еще один носитель.

Командир наемников, не прекращая огня, начал отступать, один из его подчиненных схватил контейнер с н-капсулами и поволок его прочь, видимо, не в силах расстаться с бесценным грузом даже перед лицом неумолимой смерти, а вот третий оцепенел, выронив оружие, словно его внезапно поразило каменное проклятие...

Дарлинг не дала предводителю нежити завершить инфицирование трупа и повторить стремительную атаку. Лазерный разряд максимальной мощности полоснул по металлизированному эндоостову и, перерубив позвоночник, развалил старого сталтеха на две половины...

В этот миг оцепеневший от ужаса боевик синдиката вышел наконец из ступора, попятился и, выкрикнув что-то истеричное на незнакомом Дарлинг языке, рванул с пояса плазменную гранату...

Ей не надо было объяснять, что произойдет дальше.

Резко пригнувшись, Титановая Лоза стремительно нырнула в прореху между ветвями металлорастений, туда, где импланты зафиксировали небольшую выемку, подходящую в качестве укрытия, а секундой позже со стороны просеки полыхнул ослепительный взрыв.

Упругая раскаленная ударная волна пронеслась над головой, размягчая ветви автонов, сжигая уже созревшие и только начинающие набухать н-капсулы, покрывая заросли металлорастений коростой расплавленных ветвей.

Горячий дождь из мелких капелек расплава хлестнул по броне Дарлинг, скатываясь на землю шипящими, плюющимися сизым дымком шариками, и вдруг наступила ватная, неестественная тишина...

Выждав некоторое время, она перевернулась на спину, взглянула вверх, хотя и без этого было понятно, что случайное укрытие превратилось в ловушку – ветви автонов, размягчивши-

еся, частично расплавленные температурой плазменной вспышки, сомкнулись над ней, образуя уродливое, уже остывающее, но невероятно прочное сплетение...

* * *

Лежа на спине, глядя на оплавленные ветви металлокустарника, Дарлинг, вспомнив о задании и наемниках, неожиданно подумала:

Убью дегенератов...

Мысль справедливая. Задание можно выполнить разными способами. Например, допросить с пристрастием оставшихся в живых боевиков синдиката. После полученного только что потрясения они сломаются быстро, сами выдадут местоположение базы...

Если они не в состоянии элементарно справиться со сталтехом, за какой надобностью вообще рискнули сунуться в пустошь?! Хотели запутать следы? Или у них тут есть дело? Поведение наемников казалось ей нелогичным, учитывая, что полученный в Ордене груз – контейнер с различными видами н-капсул – весил немало и стоил баснословно дорого.

Теперь на взрыв плазменной гранаты соберутся все окрестные механоиды... – с досадой думала Титановая Лоза, сняв с пояса и расчехлив энергетическую плеть. – *Нужно успеть перехватить наемников, прежде чем они бездарно погибнут...*

Рукоятка, покрытая слоем пенорезины, являлась контейнером для заключенных внутри артефактов. Секрет их взаимодействия и технология изготовления оружия хранились мастерами-мнемотехниками в строжайшей тайне. После прикосновения к сенсору в торце рукоятки появился язычок извивающегося голубоватого энергетического щупальца. Оно мгновенно подросло, зашевелилось, слабо потрескивая, непроизвольно потянулось к ближайшей ветви автонов, но Титановая Лоза обуздала его стремление к саморазряду. Для неопытного сталкера плеть – орудие суицида. Прикосновение голубоватого, аморфного на вид энергетического язычка ведет к мгновенной приостановке всех процессов на атомарном уровне. Ударить себя – проще простого, а вот подчинить оружие своей воле, заставить формируемый им энергетический сгусток резко вытянуться при взмахе и поразить избранную цель, способен лишь сталкер-универсал, владеющий способностью контролировать техноартефакты.

Внешность Дарлинг никак не выдавала ее внутреннего напряжения. А оно росло с каждой секундой. Имплантированные кибернетические модули принимали команды рассудка, транслируя их компонентам оружия, и, наконец, последовал короткий взмах – энергетический разряд, похожий на ослепительную, причудливо извивающуюся веревку, хлестнул по ветвям автонов, временно сделав их ломкими и безопасными.

Не теряя ни секунды, Титановая Лоза выбралась из укрытия, едва не превратившегося в смертельную ловушку.

Отключив плеть, в которой осталось четыре заряда, она осмотрелась.

Пепельный туман разогнало взрывной волной. Ветви металлорастений в радиусе нескольких сот метров превратились в сплошную корку, застывшую причудливыми разводами.

Приближения механоидов она пока не ощущала, да и двое выживших наемников куда-то запропастились...

Вряд ли их база расположена за Барьером пустоши, – продолжала размышлять Дарлинг, преодолевая последние метры, отделявшие ее от истекающего сизым дымом кратера.

Отогнув оплавленные ветви автонов, она осмотрелась.

Тишина стояла гробовая. Потревоженные взрывом окрестности понемногу вновь начинали тонуть в мутной мгле. Обугленные фрагменты плоти, куски экипировки, оплавленные части эндоостовов нежити, уже не годное оружие – все смешалось в отвалах небольшого кратера.

Дарлинг поморщилась, ощутив зловоние.

Присев на краю дымящегося отвала, она некоторое время наблюдала, как из потрескавшейся почвы с негромким потрескиванием пробивается, вырастая на глазах, тонкая, гибкая поросль – это скорги, уцелевшие в неистовой вспышке, восстанавливали численность, используя остаточную тепловую энергию взрыва для создания миллионов себе подобных частиц.

Вот один из тонких, пружинистых побегов дотянулся до оплавленного металлизированного фрагмента эндооста старого сталтеха, обвил его, скользнул в глубь дымящейся почвы, затем вновь появился из-под земли, несколькими гибкими витками охватив следующую «кость», связывая их воедино...

Дарлинг уже видела однажды похожий процесс. Пройдет несколько дней, и из обломков трех уничтоженных сталтехов будет вновь собран хотя бы один. Можно, конечно, воспользоваться плетью, «заморозить» останки, но к чему нарушать естественный ход событий? Скорги – неотъемлемая часть Пятизонья, они вездесущи – все сталкеры носят импланты, созданные на основе стабилизированных мнемотехниками колоний микрочастиц. Они – источник формирования новых форм жизни, возможно, начало следующего витка эволюции Земли и ее обитателей...

Не время ставить сомнительные эксперименты, – подумала Дарлинг. Она ни на секунду не забывала о двух выживших наемниках и о данном себе обещании больше не красться по их следам, а решить проблему получения информации более быстрым и радикальным способом.

Вопрос в том, где теперь их искать?

Прошло всего пять минут с того момента, как грянул взрыв, но боевики синдиката носили броню, оснащенную сервомускулатурой, и за это время могли отмахать несколько километров, спеша убраться подальше от места неожиданного столкновения с нежитью.

Дарлинг не торопилась броситься в погоню. Импланты молчали, пепельный туман опять сгустился, мешая нормальной работе датчиков, а от просеки в разные стороны ветвилось несколько троп, проложенных сквозь чашу автонов крупными механоидами. Поддавшись панике, наемники могли уйти в любом из доступных направлений.

И все же они не просто так рискнули идти через пустошь, – уже в который раз подумала Титановая Лоза. Вызвав из памяти электронную карту, обновляющуюся каждые два часа через подключение мью-фона к сталкерской сети, она внимательно изучила окрестности. Был неподалеку один объект, подходящий в качестве цели рискованного броска через гибельные пространства, но при условии, что наемники ведут двойную игру, обманывая синдикат...

Что вполне возможно, – мысленно заключила Дарлинг, ментальным усилием переориентировав датчики имплантов на узкофокусированное сканирование избранного направления.

После минутного поиска обнаружить выживших боевиков не удалось, зато она зафиксировала две ловушки, не нанесенные на электронные карты пустоши.

Метрах в тридцати от нее туман выпучивало плавным грибом, среди пепельно-серых завитков свинцового марева в воздухе медленно кружило несколько предметов.

Лестница в небо... Так сталкеры называли ловушки, представляющие собой зоны пониженной гравитации. Обычно обнаружить их очень сложно, поначалу уменьшение силы тяжести в аномальном пятне почти не ощущается, и лишь ступив за незримую черту, человек вдруг испытывал роковое воздействие, внезапно взмывая вверх на десять-пятнадцать метров, а то и выше. Нетрудно представить, что происходило дальше, в момент, когда барахтающийся в воздухе сталкер, двигаясь по инерции, пересекал противоположную границу аномального пятна. Стремительное падение с высоты семиэтажного дома, как правило, приводило к летальному исходу, а чуть позднее к появлению еще одного сталтеха – вездесущие скорги своего не упустят...

Дарлинг, определив границы обнаруженной аномалии, решительно направилась к грибовидному выбросу пепельной субстанции.

Не дойдя нескольких метров до четко видимой границы пятна, обозначенной клубящимся облаком тумана, она отцепила от пояса бухту прочного, сплетенного из тончайших побегов металлорастений троса и, закрепив его за многотонный, торчащий из земли бетонный обломок, мелкими приставными шагами, стараясь не совершать резких движений, вошла в границы аномалии.

Чувство щекотливого зависания внутренностей пришло внезапно.

Подшвы обуви оторвались от земли, она побледнела, но продолжала медленно стравливать трос, постепенно поднимаясь вверх, стараясь маскироваться на краю пепельного выброса.

Земля понемножку уходила вниз, Титановая Лоза уже поднялась выше зарослей металлокустарников, но не остановилась на достигнутом: чтобы импланты заработали более эффективно, ей следовало подняться над уровнем затянувших окрестности испарений.

Дарлинг осознала, что сильно рискует, любое резкое движение или внезапный порыв зарождающегося утреннего ветра могли вытолкнуть ее в зону нормальной гравитации, и тогда падение неизбежно, но иного выхода из сложившейся ситуации она не видела – потерять след наемников было бы сейчас просто обидно...

А вот и они!

Две фигуры в узнаваемой экипировке двигались скорым шагом, удаляясь в сторону мрачной громады высотного здания, перемещенного сюда в момент катастрофы, косо воткнутого в землю титаническими силами, уродовавшими ландшафт.

Дарлинг лишь усмехнулась в ответ своим мыслям. Как просты и незамысловаты мотивы многих рискованных человеческих поступков... В окрестностях располагалось достаточно развалин, но законсервированная от разрушения, перемещенная за тысячи километров верхушка небоскреба, в направлении которой она и осуществляла поиск, была известна как место заключения разного рода сомнительных сделок. В мрачных глубинах косо торчащего из земли здания, превращенных в натуральные трупы, находили прибежище отбросы сообществ сталкеров, тут всегда можно было отыскать исполнителя для какой-либо грязной работы или продать товар сомнительного происхождения.

К этому зданию и направлялись наемники. Вряд ли сейчас они действовали с одобрения синдиката, скорее всего, хотели сбыть часть полученных в Ордене н-капсул, списав потерю некоторой доли груза на превратности транспортировки. Симулировать аварию одной из ячеек контейнера несложно – достаточно привести в негодность генератор, создающий «консервирующее» электромагнитное поле. При такой поломке транспортировать колонии скоргов слишком опасно – бесценные плоды металлорастений проще вытряхнуть, иначе их спорадическая активация может уничтожить весь груз вместе с доставляющими его ходоками...

Разобравшись в нехитром замысле алчных наемников, Титановая Лоза успокоилась. Теперь они уже никуда от нее не денутся. До «трупов» (так сталкеры именовали между собой обломок небоскреба) им идти еще километра два, а затем у боевиков синдиката возможен лишь один маршрут отхода – на запад, к зоне «тамбура», расположенной среди древних построек атомной станции. Только оттуда они смогут войти в общую для всех пространств Пятизонья транспортную сеть Узла...

Пользуясь уникальным моментом, Дарлинг решила задержаться еще немного в границе аномалии, производя запись ее параметров и заодно внимательно осматриваясь вокруг. Мало кто из сталкеров может похвастаться, что имел возможность созерцать панораму пустоши с высоты.

Смятая складками, покрытая трещинами, запыленная зарослями автонов равнина, пользующаяся славой самой опасной территории Пятизонья, имела длинную и трагичную историю, начавшуюся еще в восьмидесятых годах прошлого века, когда после аварии на Чернобыльской АЭС вокруг нее была создана зона отчужденных пространств, призванная огра-

дить людей от губительных последствий техногенной катастрофы, не допустить их случайного проникновения в зараженные радиоактивными выбросами окрестности атомной станции.

Жизнь так и не вернулась сюда с той далекой поры, а катастрофа пятьдесят первого года окончательно и бесповоротно завершила формирование пустоши в ее сегодняшнем виде. Если в других регионах за периметром Барьеров оказались крупные города, то здесь из «достопримечательностей» изобиловали лишь причудливые складки рельефа, зияли широкие, кое-где дышащие огнем недр, протянувшиеся на многие километры трещины и разломы.

Сглаженные временем руины населенных пунктов, покинутых еще в двадцатом веке, едва возвышались над уровнем земли, исключение составляли засеки и городища скоргов, возникшие в недавний период. Их концентрические окружности виднелись во многих местах, и надо сказать, что за последнее время они заметно подросли...

Дарлинг вновь задействовала зрительный имплант, приближая один из характерных образчиков архитектуры техноса. Увиденное заставило ее удивленно приподнять бровь.

Понятия «засека» и «городище» были заимствованы сталкерами из терминологии военных. Пилоты «Ка-85», регулярно контролирующие воздушные пространства Пятизонья, первыми обратили внимание на то, что в некоторых местах заросли металлорастений начали принимать четкие геометрические формы, заметные лишь с высоты.

Ученые живо заинтересовались необычным явлением. Была сделана серия контрольных сканирований, показавшая не только рост новых образований, но и постепенное усложнение их структуры.

Дарлинг видела полученные по каналам сталкерской сети снимки, дважды ходила с разведывательными миссиями в пустошь, к одному из наиболее крупных городищ. Мнемотехники Ордена, уже давно и успешно применявшие специально выращенные металлорастения в качестве конструктивного материала, также проявили интерес к внезапно обнаруженной «архитектуре техноса», но увиденное сейчас не шло ни в какое сравнение с результатами последних разведок.

Титановая Лоза ожидала обнаружить несколько невысоких кольцевых валов, образованных сплетением металлокустарников, расположенных в форме концентрических окружностей, но ее взору вдруг предстала настоящая крепость скупых, лаконичных геометрических форм...

С высоты она могла заглянуть за периметр вздымающейся на десять метров внешней стены, а импланты позволяли различить подробности центрального фантазмагорического строения городища.

Мрачное зрелище открылось взгляду Титановой Лозы. За три года скитаний по Пятизонью она еще ни разу не сталкивалась ни с чем подобным. Последняя вылазка в пустошь состоялась меньше месяца назад, и в ту пору городище представляло собой три концентрических вздутя, в нескольких местах продавленных следами прохождения крупных механоидов, вес которых порой составлял десятки тонн.

Что же случилось за три недели?

Известно, что автоны добывают металл из почвы. Насчитываются сотни видов металлорастений. Их различают по двум признакам. Первый – химический состав элементов, из которого состоят изломанные под разными углами ветви. Автоны, состоящие из чистого металла, например меди, железа, олова или свинца, встречаются достаточно редко. Большая часть металлокустарников образована различными сплавами, различающимися по пропорциям входящих в них элементов.

Второй признак при классификации автонов – свойства н-капсул, вызревающих в утолщениях ветвей.

Если руководствоваться обоими критериями, то на просторах Пятизонья можно отыскать сотни видов металлорастений, уникальных по химическому составу и свойствам их плодов.

Сейчас, анализируя показания датчиков, Дарлинг не могла отделаться от мысли, что в городище собраны все возможные представители техноса Пятизонья.

Выросшие на десять метров стены стали в несколько раз толще, их поверхность уже не казалась плавно выгнутой сетчатой конструкцией – в замысловатом плетении автонов виднелись выступающие детали в виде уродливых ветвисто-шипастых наростов, покрытых ржавчиной, зеленоватыми окислами меди, кое-где шелушащихся окалиной...

За валом внешней стены наблюдалось пространство, свободное от металлической растительности. Там в данный момент громоздились собранные со всей округи остовы различных машин, в основном это была старая строительная и военная техника.

Второй вал металлорастений, поднявшийся на семь с лишним метров, нависал над скоплением древнего металлического хлама. Среди замысловатых сплетений автонов то и дело сверкали дуговые разряды энергии, сыпали искры, созревшие н-капсулы срывались вниз, ударились о ржавые корпуса древних машин, разлетаясь брызгами серебра...

Дарлинг была потрясена. Она на некоторое время даже забыла о наемниках.

Продолжая наблюдать, Титановая Лоза подмечала все больше подробностей в строении городища, и, по мере осмысления деталей невиданного сооружения, ее постепенно охватывал трепет.

...За третьим кольцом стен возвышалась коническая конструкция, похожая по своей структуре на термитник. Тысячи мелких ходов пронизывали покрытый уродливыми наростами конус, датчики даже на таком удалении фиксировали, что внутри постройки и на ее поверхности копошатся, ползают миллионы мельчайших механоидов, неподдающихся классификации по базам данных Ордена. Это была какая-то новая форма механической жизни, существующая уже не на основе захваченных носителей, – по всей видимости, колонии скоргов научились копировать некоторые прототипы машин, уменьшив их в сотни раз, приспособив под свои, неведомые людям нужды...

Вот почему на взрыв плазменной гранаты не явился ни один из механоидов... – подумала Дарлинг, завершая запись полученных при сканировании данных. – Они все где-то там, внутри периметра городища...

* * *

Все еще находясь под впечатлением увиденного, Дарлинг осторожно начала сматывать трос, постепенно опускаясь к земле.

Ее взгляд вновь зафиксировал фигуры двух наемников.

Что-то здесь не так!.. – обожгла рассудок неожиданная мысль. Лоза приостановила спуск, пытаясь понять, чем вызвано ее внезапное беспокойство?

Несколько секунд понаблюдав за наемниками, отрешившись от подавляющего разум зрелища механического муравейника, она быстро пришла в себя, поняв, в чем дело.

Вместо того чтобы бодро топтать к зданию «торгового центра», являющегося прекрасным ориентиром даже в условиях пепельного тумана, боевики синдиката вдруг начали забирать вправо, по непонятной причине вновь возвращаясь к небольшому холму.

Движение...

Титановая Лоза напряглась, сканируя источник внезапной посторонней активности, и вдруг явственно ощутила, как с окружающим миром начинают происходить странные метаморфозы. Ветер еще не поднялся, но языки пепельного тумана, противореча карте распределения аномалий, способных воздействовать на серую, стелющуюся вдоль земли субстанцию, стремительно поползли вверх по склонам лишенного металлорастительности холма, куда только что вновь стали подниматься двое выживших наемников.

Метаморф! – мгновенно сообразила Дарлинг.

Ее ноги коснулись земли, она отступила на пару шагов от границы аномального пятна, убрала трос – все движения были машинальными, быстрыми, в то время как рассудок Титановой Лозы искал сталкера, манипулирующего с реальностью.

Источник искажений где-то рядом. Возвышенность, за которой располагалась накренившаяся двенадцатиэтажная макушка небоскреба, просматривалась отсюда достаточно хорошо: тепловые контуры двух человеческих фигур четко выделялись на фоне термограммы холма. Нескольких секунд наблюдения хватило, чтобы понять – засевавший неподалеку метаморф формирует искажение с таким расчетом, чтобы наемники, сбившись с пути, прошли по кругу, выйдя на устроенную для них засаду.

Нельзя сказать, чтобы Дарлинг особенно удивилась внезапному обороту событий. Разгуливать по пустоши с контейнером, полным н-капсул, – занятие крайне рискованное. Самоуверенность бойцов техносиндиката зашла слишком далеко, а последняя выходка с плазменной гранатой окончательно исчерпала лимит их везения.

Шорох...

Титановая Лоза отступила в заросли автонов, ее армган активировался, чуть приподнявшись на фиксаторах, подушечки пальцев левой руки, густо пронизанные прожилками серебра, сомкнулись в одном из четырех возможных сочетаний, имплантированные в них колонии скоргов мгновенно образовали временные связи, соединяясь в генератор, вживленное под кожу запястья «Сердце зверя» подало энергию к только что образованному устройству, напомнив о себе легким покалыванием.

Неоднократные операции, произведенные мнмотехниками Ордена, сделали из Дарлинг сталкера-универсала. Она одинаково хорошо владела многими специализациями, но каждое преимущество неизбежно имеет и обратную сторону. На работу боевых имплантов расходовалась жизненная энергия организма, и даже подпитка «Сердца зверя» не застраховывала от резкого истощения сил при скоротечной схватке с несколькими противниками.

Сначала – наемники. Придется предупредить их об опасности, разрушив иллюзию. От мертвецов информации не получишь...

Восприятие мира изменилось. Дарлинг, заняв оборонительную позицию, почти сразу обнаружила источник деформаций реальности. Морок, ведущий бойцов техносиндиката в засаду, действительно генерировался сталкером-метаморфом. Сфокусированный поток энергии, спровоцировавший сбой датчиков их бронескафандров, изменивший показания приборов, отслеживался довольно четко. Метаморф попался опытный, сильный. Он не только воздействовал на приборы, но и сумел окружить вершину холма плотным слоем тумана, чтобы наемники потеряли визуальные ориентиры.

Рядом с метаморфом находился бионик, поддерживающий его силы. Чуть поодаль расположились еще трое сталкеров, готовых открыть огонь, как только боевики техносиндиката спустятся по склону и попадут в аномалию «Магнит» – металлизированное пятно на поверхности земли, образованное хищной колонией скоргов.

В принципе Дарлинг не имела ничего против группы незнакомцев, заметивших взрыв плазменной гранаты, быстро сориентировавшихся в ситуации и решивших заработать приличные деньги. В другое время она не стала бы им мешать, но тут затрагивались интересы Ордена, и Титановая Лоза ни секунды не сомневалась, как ей следует поступить.

«Сердце зверя» подало импульс энергии на импланты.

Дарлинг вздрогнула, смертельно побледнев, каждый нерв отозвался тугой звенящей болью, словно тело пронзили сотни раскаленных игл, но ее боль была лишь бледной тенью той нечеловеческой муки, которую внезапно испытали противники.

«Крик Скорга» – так назывался удар, нанесенный Титановой Лозой. В этот миг Дарлинг была сродни тяжелому камню, брошенному в воду, – от нее во все стороны рванулась волна

излучения, резонирующего в имплантах первого уровня, парализующая работу всех вживленных устройств, причиняющая невыносимую боль их обладателям.

Компактный аккумулятор, добытый из крупного механоида, практически разрядился, кожа на запястье горела, словно ее ошпарили кипятком, в голове стоял глухой звон, но удар достиг цели. Дарлинг, усилием воли удержавшая сознание, отчетливо видела, как наемники вдруг остановились, озираясь по сторонам, текучие полосы пепельного тумана, секунду назад поднимающиеся по склонам холма, внезапно начали опадать, рассеиваясь, словно иссякла сила, толкавшая их вверх.

Двое боевиков техносиндиката достаточно быстро сообразили, в чем дело. Находясь на возвышенности, они и без участия безнадежно ушедших в сбой и перезагрузку сканеров смогли рассмотреть незамысловатую засаду. «Крик Скорга» не воздействовал на «натуралов» (так в Ордене называли всех неимплантированных), а вот сталкеры получили по полной программе. Двое из них валялись без сознания, их тела, рухнувшие неподалеку от аномалии, медленно тащило по земле, притягивая к «Магниту», метаморф тоже вырубился, что совершенно неудивительно – такова защитная реакция всех, кто специализируется на манипуляциях с реальностью, а вот бионик и еще один сталкер, оказавшийся выносливее своих товарищей, вмиг обезумев от боли, бросились прочь не разбирая дороги. Бионик вскоре запутался в ветвях автонов, и наемники, поставив на землю тяжелый контейнер, принялись стрелять по нему, но без результата – короткоствольные ИПП хороши на дистанции ближнего боя, а когда цель находится на расстоянии, превышающем сто метров, иглы безнадежно уходят вразлет, теряют скорость и убойную силу.

Дарлинг разжала пальцы, деактивируя боевые импланты, покачнулась от внезапного приступа слабости и, задавив в себе боль, вскинула правую руку, разрядив армган в голову командира наемников.

Тот рухнул как подкошенный, стрельба тут же прекратилась, последний оставшийся в живых боевик техносиндиката, которого Дарлинг избрала для допроса, метнулся за ближайшее укрытие и затих.

Кровь глухо стучала в висках. Применение боевых имплантов всегда сопровождается резким упадком сил, дурнотой, вспышками нестерпимой боли, выбросом в кровь различных стимуляторов обмена веществ. Нервная система человека не предназначена природой для взаимодействия со вживленными наномашинными комплексами, и здесь бессильны что-либо исправить даже самые опытные мнемотехники. Успешная имплантация – только половина дела. Ее результат остается непредсказуем до тех пор, пока сталкер не начнет использовать импланты. Сумеет ли конкретный человек управлять вживленными устройствами, перешагнет ли психологический барьер боли, страха, непонимания тайного смысла произошедших перемен, зависит только от него.

Дарлинг знала статистику имплантаций. Количество умерших на операционном столе ничтожно по сравнению с числом тех, кто сошел с ума либо погиб, так и не сумев воспользоваться своими новыми возможностями.

Титановой Лозе повезло. Ее имплантировали, а после обучали лучшие мнемотехники Ордена. Между операцией по вживлению сконфигурированных необходимым образом колоний скоргов, выращенных из н-капсул в лабораториях Цитадели, и ее первым самостоятельным выходом на смертельно опасные просторы Пятизонья прошел почти год. Ее берегли, давали возможность постепенно адаптироваться, в процессе тренировок постичь различные аспекты новых, уникальных возможностей организма, и в результате она стала первой из нового поколения сталкеров, не искалеченная Зоной, а бережно, осмысленно *приспособленная* к новым условиям существования.

Если рассматривать боевые возможности Дарлинг, то мало кто мог сравниться с ней. Титановая Лоза являлась своего рода уникалом, эталоном, несомненным успехом мнемотехников, повторить который пока что не удавалось.

...Мгновенья, отпущенные себе на короткую передышку, окончились. Слабость, сравнимая с состоянием легкоатлета, только что выложившегося на преодоление дистанции, постепенно отступала, боль, терзающая мозг, притупилась.

«Крик Скорга» – чрезвычайно редко применяемый удар. Немногие сталкеры обладают необходимым количеством и качеством имплантов для создания боевого генератора соответствующих характеристик, к тому же генерированная Титановой Лозой волна излучения считается едва ли не оружием массового поражения. Любой обитатель Пятизонья, попавший под ее воздействие, будь то человек, скорг, механоид или сталтех, рисковал получить необратимые повреждения психики, системы или чего-то иного, сосуществующего в тесной взаимосвязи с колониями микрочастиц.

Она машинально взглянула в сторону городища.

Удар дошел и туда. Над зловещим сооружением поднималось грибообразное облако, от которого то и дело отделялись небольшие, роящиеся группы механоидов нового типа.

Городище сейчас было похоже на растревоженный улей.

Дарлинг поняла – нужно убираться отсюда, чем скорее, тем лучше.

«Сердце зверя» опустошено. На накопление нового заряда энергии ему потребуются часы. В перенапряженных мышцах ощущалась непроизвольная дрожь, в суставах чувствовалась ломота – то была неизбежная цена удара, обезвредившего всех противников в радиусе нескольких километров.

Наемник... – Слово, как заклятье, пульсировало в рассудке.

Прошло менее минуты после выстрела из армгана, поразившего командира боевиков, а реальность уже претерпела значительные изменения. Все стихло, словно перед грозой, пепельный туман начал стремительно таять, даже аномальные участки поверхности, сформированные хищными скоргами, на время вырубались, двоих потерявших сознание сталкеров не дотащило до «Магнита» каких-то полметра.

Дарлинг машинальным, заученным до автоматизма движением перетянула увесистый ИПК со спины на грудь. Об энергетических воздействиях пока придется забыть, силы организма небеспредельны, да и армейский лазерный излучатель, функционируя в режиме максимальной мощности, почти исчерпал емкость накопителя. В такой ситуации импульсное оружие становится незаменимым. В отличие от легких ИПП, которыми были вооружены наемники, «карташ»⁴ снаряжался цилиндрическим боеприпасом, его эффективная дальность при стрельбе очередями составляла порядка полукилометра, а в режиме одиночного снайперского огня, с применением адаптивной системы наведения, оружие было способно поразить легкобронированную цель на километровом рубеже.

Дарлинг скользнула в заросли автонов, двигаясь к тому месту, где, по ее расчетам, укрылся последний из наемников.

Поднявшись к вершине лысого, лишенного металлорастительности холма, представляющего собой плотно спрессованную грудку бетонных обломков, Дарлинг обнаружила там лишь мертвого командира группы боевиков.

Контейнер с н-капсулами исчез.

Взглянув в сторону «торгового центра», она заметила, как из здания небольшими группами выходят сталкеры. Встревоженные отголосками глобального энергетического удара, несомненно обратившие внимание на неожиданную активизацию скоргов в городище, они решились покинуть укрепленное логово, чтобы произвести разведку.

⁴ ИПК – импульсный пулемет системы Карташова. «Карташ» – сленговое название оружия.

Встречаться с группами ренегатов и отщепенцев, контролирующих окрестности мрачного обломка высотного здания, у Дарлинг не было сейчас ни сил, ни желания. Она поняла, что недооценила последнего оставшегося в живых наемника, у которого хватило решимости и здравого смысла, чтобы взять себя в руки, оценить обстановку и отказаться от продолжения рискованной аферы.

Взглянув в западном направлении, где высились мрачные, полуразрушенные корпуса древней атомной станции, Титановая Лоза достаточно быстро обнаружила одинокую удаляющуюся фигуру. Задействовав механические усилители мускулатуры, наемник синдиката, взвалив на себя увесистый контейнер, скорым шагом уходил в сторону тамбура. Оценив уже пройденное им расстояние, Дарлинг поняла, что вряд ли успеет догнать, обезвредить и допросить его в границах пустоши.

Ей не оставалось ничего иного, как возобновить преследование.

Глава 2

Бетонный остров

Новосибирская зона отчужденных пространств

Спустя час после событий в пустоши...

Третий по счету переход дался тяжелее прежних.

Дарлинг, в отличие от большинства других сталкеров, не испытывала мистической оторопи перед процессом внепространственной транспортировки, хотя перемещение сквозь Узел нельзя было назвать приятным. Мгновенный скачок через иное измерение обычно сопровождается тяжелыми, необъяснимыми, но, к счастью, временными деформациями психики, с которыми приходится вести борьбу в первые минуты после материализации в очередном пространстве Пятизонья.

Если ты не возвращаешься «домой», аходишь на чужую территорию, главное – сразу затаиться, не надеть глупостей, переждать, пока постэффекты воздействия Узла перестанут терзать рассудок.

Полностью заблокировать портал силами одной группировки практически невозможно: при прохождении через Узел объект материализуется в произвольной точке, внутри радиуса километровой окружности, центром которой является исполинский, медленно вращающийся вихрь. Границы зоны такого произвольного разброса и являются периметром тамбура.

Обычно заставы и блокпосты выставляются на некотором удалении от вихря. Они не представляют собой сплошного рубежа, и потому у каждого прибывающего сталкера есть хороший шанс разминуться с силами доминирующей группировки.

Дарлинг, преследуя последнего оставшегося в живых наемника, успела запеленговать работу его маркера⁵ и совершила переход в Академзону с разницей всего в две минуты.

Зона Новосибирского тамбура встретила ее шквалистыми, сбивающими с ног порывами ветра.

Импланты сбоили, перед глазами все двоилось, в сознании стлыли нереальные, смутные, тревожащие образы, душа билась в необъяснимой агонии: волнами накатывало чувство беспредельной тоски, отчаяния, хотя для ощущения безысходности, какого-то жизненного тупика не было серьезного повода.

Она со стоном рухнула на колени, тратя остаток сил, отползла в сторону, под прикрытие хаотичной груды бетонных строительных блоков, и затаилась, переживая сумеречное состояние рассудка.

Через пару минут немного отпустило, вернулась способность мыслить, словно сознание, натужно преодолев заслон непонятных, давящих, вязких образов, вновь соприкоснулось с реальностью, облегченно впитывая враждебную мглу...

Сориентировавшись, Дарлинг переместилась, забирая левее в поисках нового укрытия: справа приближался патруль «зеленых», еще одна боевая группа Ковчега фиксировалась за

⁵ *Маркер* – специальное устройство, задающее одну из пяти отчужденных территорий в качестве конечной цели транспортировки. Прохождение объекта через Узел без предварительной активации маркера ведет к непредсказуемым последствиям: материализация в таком случае происходит вне зоны тамбура. Существует риск, что объект будет совмещен с другими материальными предметами, а это в большинстве случаев ведет к его уничтожению. Кроме того, без маркера невозможно прогнозировать, в какую именно локацию попадет объект.

спиной, метрах в ста от груды бетонных блоков, там, по всем признакам, располагался блок-пост.

Отследив маршрут патруля, Титановая Лоза совершила еще одну короткую перебежку, теперь она поднялась чуть выше, затаившись у старого укрепления, сметенного атакой механоидов. Среди вывороченных из земли железобетонных конструкций пластались распоротые мешки, из которых высыпался почти весь песок, на оплавленном треножном станке косо застыл покрытый коростой окалины корпус генератора электромагнитного импульса, в нескольких местах виднелись воронки с остекленевшими краями – не так давно тут произошла серьезная стычка между людьми и механическими обитателями Пятизонья, мигрирующими через Узел.

Она равнодушно осмотрела место схватки, подметив, что егеря Ковчег не изменяют традиции: трупы павших сталкеров были убраны, корпуса механоидов сожжены с применением термитного состава – температура его горения не оставляет скоргам ни малейшего шанса на реанимацию.

В остальном окружающая обстановка не отличалась от стандарта обыденности. В трехстах метрах от позиции Дарлинг вздымался покрытый трещинами холм, его венчало покосившееся здание, возведенное еще в эпоху социализма. Мутный вихрь медленно вращался на пространстве внутреннего двора старого универмага, среди руин складских помещений, эстакад для разгрузки товара, гор мусора, земли и различных увесистых обломков, принесенных сюда пульсациями Узла.

Окрестности холма патрулировали несколько боевых групп Ковчег, основные же силы, выделенные для контроля тамбура, дислоцировались в здании универмага и на склонах господствующей высоты, откуда открывались хорошие сектора обстрела.

Нужно сказать, что, в отличие от других тамбуров, Новосибирский выглядел тщательно вычищенным, как и большинство прилегающих к нему территорий. Дарлинг по опыту знала: сколько ни вглядывайся, здесь не заметишь поросли металлорастений, не увидишь механоида, спешащего по своим делам. Егеря Ковчег строго следят за стерильностью подконтрольных группировке территорий, зачищая местность после каждой пульсации.

Впрочем, Дарлинг не собиралась анализировать критические разногласия, существующие между Ковчегом и Орденом в части идеологии *надлежащего* мироустройства. Она чувствовала себя на вражеской территории, и этого было достаточно. Титановой Лозе не требовалось никаких разъяснений, она не раз принимала участие в схватках с боевыми группами Ковчег и сейчас вела себя предельно внимательно. Недооценивать противника – худшая из всех глупостей. Егеря были прекрасно подготовлены, их объединяла жесткая дисциплина, а идеология группировки позволяла расстреливать любого пришельца, без выяснения причин его появления в границах Академзоны.

Наемник, похоже, также был прекрасно осведомлен о местных нравах. Его выбросило метров на двести выше, почти у подножия холма. Если бы не остаточный сигнал запеленгованного маркера, то Дарлинг было бы сложно обнаружить неподвижного человека, затаившегося, включившего все маскирующие подсистемы бронескафандра.

Шли томительные минуты, а боевик синдиката не двигался с места.

Его все еще плющит после транспортировки или же он решил ждать вечера? – вопросительно подумала Титановая Лоза, перенастраивая импланты, чтобы следить не только за своей целью, но и за перемещениями патрулей. Один важный вывод она уже сделала – судя по осторожному поведению наемника, техносиндикат на данное время не в ладах с Ковчегом.

Теперь, после перехода, она была уверена, что искомая база расположена где-то неподалеку, в ближайших окрестностях Академзоны. По данным осведомителей Ордена, опорный пункт синдиката дислоцировался вне периметра Барьера, но так это или нет, покажут ближайшие несколько часов.

Нападать на наемника в зоне тамбура было опасно и бессмысленно. Проще набраться терпения, продолжая следить за ним.

Еще раз осмотревшись, Дарлинг приготовилась ждать дальнейшего развития событий, одновременно восстанавливая силы.

В том, что они ей понадобятся, не возникало ни малейших сомнений – пройти через Барьер дано далеко не каждому сталкеру, а ведь еще предстоял нелегкий обратный путь...

* * *

Наемник действительно ждал вечера.

Он прекрасно ориентировался в схеме патрулирования тамбура, знал расположение каждого блокпоста – в этом Титановая Лоза убедилась, следуя по пятам боевика.

На окраину Новосибирска они вышли глубокой ночью, в пепельную непогоду, теньями обошли два опорных пункта Ковчег, затем свернули к руинам Нового Поселка, где на берегу Бердского залива до катастрофы располагалась станция Береговая.

Дарлинг чувствовала – финал изматывающей погони близок.

У Титановой Лозы уже возникло предварительное предположение, куда именно движется наемник как проклятый, тащивший на себе тяжеленный контейнер. Теперь, когда зона тамбура осталась позади, его действия стали более уверенными, похоже, что он не раз проходил тут прежде и хорошо знал близлежащие ловушки, ориентиры, места скопления механоидов – иногда он петлял, явно обходя опасные места.

Наконец, боевик синдиката, а вслед за ним и Дарлинг вышли к побережью Новосибирского водохранилища.

Сбросив с плеч свою ношу, наемник на некоторое время скрылся в полуразрушенном здании, затем, вновь появившись на берегу, проверил герметизацию бронескафандра и, пятясь, затащил тяжелый контейнер в воду. Еще минута, и темная, покрытая рябью волн поверхность закрутилась водоворотом над его гермошлемом, полностью скрыв боевика и груз.

У Дарлинг исчезли последние сомнения. Наемник явно намеревался преодолеть Барьер, и, если судить по электронным картам, составленным в Ордене, – на его предполагаемом маршруте находился лишь один заслуживающий внимания объект.

Бетонный остров...

Мысленно просмотрев сопроводительный информационный файл, Титановая Лоза лишь утвердилась в правильности своего вывода: именно тут проходила одна из тайных, тщательно оберегаемых «троп», которой торговцы техносиндиката пользовались для нелегальной переброски товаров в границы Пятизонья.

По сведениям картографов Ордена, находящийся за Барьером объект являлся незавершенной строительной площадкой, частично уничтоженной во время катастрофы пятьдесят первого года. Что именно собирались возвести на просторе водохранилища, оставалось неясным, ни на одной из сохранившихся старых карт Бетонный остров отмечен не был, не нашлось сведений о нем и в доступных базах данных различных министерств. Вполне возможно, что строительная площадка прежде принадлежала военным, но после образования Пятизонья те не предпринимали попыток каким-то образом использовать удобно расположенную площадку, хотя бы в качестве наблюдательной точки.

Действия наемника не удивили Титановую Лозу. Способ преодоления Барьеров под водой был известен давно, но использовался редко. Не каждый сталкер владеет навыками дайвера, да и специальное снаряжение стоит недешево. Несколько лет назад Орден рассматривал возможность организации подводных каналов для сообщения с внешним миром – в этих целях в Сосновом Бору, а также на побережье Казантипа и тут, в Академзоне, заложили специальные тайники с необходимым оборудованием, но практика показала, что подводный путь, кроме

явных преимуществ, имеет и свои минусы. Во-первых, в районе пикового значения гравитации Барьера возрастает плотность воды, во-вторых, сильные подводные течения требуют от сталкеров недюжинной физической силы, и, в-третьих, психологическое воздействие водной стихии выдерживает далеко не каждый.

В конце концов от замысла пришлось отказаться, а вот тайники сохранились.

Одним из таких схронов и воспользовалась Дарлинг, решив довести до логического завершения трудную погоню.

* * *

Преодолев Барьер, она поднялась к поверхности, чтобы осмотреться.

Наемник исчез, он как будто растворился в холодных водах Обского моря, но Дарлинг уже не нуждалась в проводнике. На электронной карте, составленной в Ордене, были зафиксированы не только отчужденные пространства Академзоны, но и прилегающие к Барьеру территории, так что сориентироваться не составляло особого труда.

Она окинула взглядом окрестности. Отсюда, несмотря на непогоду, был отлично виден призрачный, переливающийся искажениями пузырь гравитационной аномалии, навек скрывшей за стеной уплотненного, непроницаемого для взгляда воздуха, не только Академгородок, но и две трети превращенного в руины Новосибирска. После катастрофы в зоне отчужденных пространств оказалась также часть реки Обь и приличный фрагмент акватории Новосибирского водохранилища, именуемого в народе Обским морем.

Облака как будто притягивало к мутному куполу. Попадая под воздействие повышенной гравитации, они опускались все ниже и ниже, двигались быстрее, порой цепляя за верхушки смутно различимых на берегу, почерневших, накрененных в сторону от эпицентра катастрофы деревьев.

Обстановка внешнего мира не вызывала у Дарлинг положительных эмоций. Напротив, вне пределов гравитационных пузырей она ощущала себя неуютно, чего стоило бескрайнее небо, простирающееся над головой, не ограниченное плавными закруглениями Барьера, нависшее, будто необозримая облачная плита...

Сориентировавшись, она снова ушла под воду.

* * *

Через час, достигнув намеченной точки, Титановая Лоза осторожно поднялась к поверхности.

Так и есть... Не ошиблась...

Волны бессильно бились о бетонную стену. Двое часовых, зябко ежась на промозглом ветру, прохаживались по кромке парапета.

Вот он – таинственный Бетонный остров.

Дарлинг вновь нырнула. Мутная вода ограничивала видимость, двигаться приходилось, ориентируясь по приборам, – устройство спутниковой навигации, входящее в состав экипировки из схрона да пара специализированных датчиков, нормально работавших за границей Барьера, хоть и неравноценная замена отключившимся имплантам, но хоть что-то...

Отвесная бетонная стена уходила под воду, преграждая путь. Ржавые остатки непонятной металлоконструкции лепились к ней.

Дарлинг нырнула глубже. Двигаясь вдоль бетонной стены, она потратила некоторое время на поиски зарешеченного выхода дренажной системы. Тоннель, полностью затопленный водой, являлся частью запутанных подводных коммуникаций. Считалось, что после катастрофы пятьдесят первого года строительную платформу никто не использовал, хотя среди

вольных сталкеров ходили слухи о неких торговцах, попытавшихся организовать тут перевалочный пункт, – по руслу Оби под водой очень удобно проходить Барьер, не привлекая внимания военных, контролирующих внешние периметры всех отчужденных пространств, но их бизнес процветал недолго – однажды все обитатели Бетонного острова были найдены мертвыми. Двадцать человек, отлично вооруженных, всегда находившихся настороже, растерзала какая-то неведомая тварь. После этого об острове поползли слухи, один другого страшнее. Сталкеры, побывавшие на заброшенной строительной площадке сразу после случившейся там бойни, говорили, что стены внутренних помещений были сплошь покрыты выщербинами от пуль, обожжены лазерными разрядами, часть находящихся над водой построек вспучило от взрывов плазменных гранат.

Ни одного выжившего, лишь истерзанные либо обугленные ошметья плоти, разбросанные повсюду, да лужи крови, разбавленные дождевой водой.

После еще несколько сталкеров, ищущих укрытия вне границ Барьера, без вести пропали среди лабиринта недостроенных помещений Бетонного острова, затем зловещий список дополнили два патрульных катера военных, и с тех пор уже никто не сомневался: над рукотворным островком тяготеет какое-то неведомое проклятие.

Титановая Лоза придерживалась иного мнения. Многие явления Пятизонья казались мистическими, но на поверку любому из них можно было найти здравое объяснение. Другой вопрос, что мало кого интересовали поиски истины в ее чистом виде.

Страх перед неведомым, необъяснимым порождает суеверия, которым более других подвержены сталкеры. Местных жителей в округе почти не осталось, военные проявляли мало интереса к этому участку акватории Новосибирского водохранилища, маршруты патрулирования боевых катеров как будто специально огибали проклятый островок на почтительном удалении.

Бетонный остров, окутанный зловещим ореолом тайны, – идеальное место для скрытого перевалочного пункта. Не нужно обладать даром провидения, чтобы понять: у техносиндиката, эксплуатирующего Пятизонье как неиссякаемый источник сверхприбылей, существуют обширные связи среди «нужных людей». Как и любая международная криминальная структура, синдикат пустил глубокие корни в среде военных и в сталкерских группировках, одних – разлагая взятками, других – удерживая на коротком поводке поставками оружия, припасов, предметов первой необходимости, которые в Пятизонье ценятся на вес н-капсул...

Дарлинг полагала, что вольных торговцев вырезали по приказу синдиката. Послали наемников, зачистили островок, а после распустили жуткие слухи. С военными наверняка договорились. Вот и вся мистика.

Выломать решетку удалось не сразу, но в конечном итоге она поддалась, с облачками мути вышла из креплений и канула в темную бездну стылой воды.

В тоннеле, к своему удивлению, Титановая Лоза не обнаружила ничего подозрительного, похожего на охранные либо сигнальные устройства.

Добравшись по системе подводных коммуникаций до вертикального колодца, Дарлинг сняла часть снаряжения, надежно закрепив его, чтобы не унесло слабым течением, и начала подъем.

Как Дарлинг и рассчитывала – вертикальный колодец не был полностью затоплен, – вода расступилась без всплеска, сквозь маску проник тусклый желтоватый свет.

Странно. Отсутствие датчиков охранной системы настораживало. В бетонной стене колодца крепились ведущие вверх ржавые скобы. Она некоторое время напряженно выжидала, затем начала подъем.

Помещение, куда выходил колодец, оказалось полуразрушенным. Рассеянный желтоватый свет проникал в него сквозь дыру в стене, заполненную торчащими в разные стороны,

погнутыми прутьями арматуры. Рядом находилась массивная металлическая дверь, перекошенная в раме, явно нефункциональная. Из смежного помещения доносились голоса.

Дарлинг, стараясь не шуметь, прижалась спиной к стене, сняла маску и осторожно заглянула в пролом.

Она увидела длинный коридор, освещенный неяркими желтоватыми лампами, закрепленными прямо у протянутого под потолком кабеля энергоснабжения. В дальнем конце коридора прохаживался охранник, голоса, на поверку, доносились из-за неплотно прикрытой двери, расположенной недалеко от пролома.

Она прислушалась.

* * *

– Эпоха политических систем уходит в прошлое, мой дорогой генерал. Миром теперь станут править несколько мегакорпораций. Прошу вас уяснить: цена вопроса – мировое господство. Синдикат не простит ошибок ни мне, ни вам.

– Власть денег, богоподобие избранных?.. – Генерал Званцев взял со столика широкий бокал с коньяком и выпил дорогой напиток залпом, как водку. – Ни хрена у вас не выйдет. Попробуйте на другом континенте.

– Что так? – насутился Шаркер. – Вы берете взятки и тут же отрицаете власть денег?

– Не отрицаю, не отрицаю... – Званцев пренебрежительно махнул рукой. – Но почитайте Бисмарка. Он предупреждал: не трогайте Россию.

– Мы не собираемся воевать. Наша задача – сделать население земного шара зависимым от нанотехнологий. Как видите, я откровенен. Непосредственно зависимым. Когда без имплантов ни один человек не сможет жить, дышать, ну, вы понимаете... Изучение технических мутаций, происходящих в зонах отчужденных пространств, дает нам шанс абсолютной власти над миром.

Званцев усмехнулся. Он вел себя нагло, понимая – синдикату не обойтись без его помощи. Ему нравилось сегодняшнее положение вещей, но генерал не собирался рвать жилы, харкать кровью ради обеспечения мирового господства кучке избранных, страдающих манией величия. Он потихоньку продавал Родину, умеренно рискуя за неумеренные деньги, косил под недалекого, туповатого вояку, но иногда позволял себе показать *норов* – вот и сейчас он встал, подошел к контейнеру, только что доставленному наемником, бесстрашно запустил туда пятерню, набрал горсть н-капсул и произнес:

– Я допускаю, господин Шаркер, что мировое господство в конечном итоге отойдет к какой-либо из мегакорпораций, но, боюсь, не в этой жизни. – Он сжал кулак, раздавив несколько бесценных капсул. Серебристая субстанция потекла между пальцами, ртутными кляксами испятнала пол. – Они неактивны, – бесстрастно заключил Званцев. – За Барьерами эти технологии *не работают*.

Представитель синдиката с трудом сдержал вспышку гнева.

– Вы слишком расточительны, генерал. Я урежу ваше денежное содержание.

– Ой ли?

– Перейдем к делу! – прервал его Шаркер.

– Без проблем. – Званцев разжал кулак, высыпал уцелевшие н-капсулы назад в контейнер. – Не сомневаюсь – отравить атмосферу Земли токсичными выбросами производств для ваших работодателей – не проблема. Но пока девять из десяти сталкеров, вышедших за границы Барьера, тривиально подымают в адских муках, вам до мирового господства, как мне до Луны. Я слушаю.

Шаркер нахмурился. Эта русская сволочь хорошо знает свою цену. Ну да ладно. Терпение – тоже часть работы. Найти альтернативу генералу Званцеву – вопрос времени.

– Мы хотим осуществить крупномасштабную акцию, при проведении которой нам потребуется помощь со стороны войсковых подразделений, контролирующих Сосновый Бор.

– Продолжайте, – буркнул генерал, возвращаясь в кресло. – Что за операцию замыслил синдикат? На какое содействие вы рассчитываете?

– Нас в последнее время серьезно беспокоит растущая независимость Ордена, – скупой ответил Шаркер.

– Командор Хантер укусил руку, его кормящую? – Званцев ехидно потер ладони. – Но не вы ли обеспечили Ордену режим наибольшего благоприятствования? Разве не синдикат вооружал Орден, сдерживал наши попытки захватить Цитадель?

– Все так. Мы... – Шаркер состроил недовольную гримасу, – мы недооценили командора, предоставив ему слишком много свободы. В последнее время он стал упрям и малосговорчив. Он прекратил возвращать нам подопытный материал, оставляя отправленных ему людей в Цитадели.

– Да, я слышал, что в ряды Ордена вливается все больше послушников. А чем вы недовольны? Хантер обеспечил вашим ученым возможность ставить эксперименты на людях. Говорят, что он имплантировал даже собственную дочь. Разве отчеты о проводимых экспериментах не самое ценное, что можно выжать из...

– Генерал, вы не понимаете! – прервал его Шаркер. – Успешные мнемотехнические операции, проведенные в Пятизоне, – это лишь начальная стадия глобального эксперимента. Нам необходимо, чтобы командор, как и было условлено, возвращал в Большой Мир людей, которых с таким трудом мы поставляем ему для проведения имплантаций.

Губы Званцева скривились в презрительной усмешке.

– Хантер понял, что зря расходует человеческий материал. Они же тривиально подымают за Барьером. Я бы на его месте тоже перестал отправлять только что имплантированных сталкеров на верную гибель. Проще внушить им идеологию Ордена и укрепить свои ряды за ваш счет.

– Званцев, вы забываетесь!

– А чего вы от меня хотите? Войсковой операции против Ордена? После того, как сами сделали все возможное и невозможное для превращения недостроенной АЭС в неприступную твердыню? – Генерал развел руками. – Мое правительство не санкционирует применение ядерного оружия, а без него штурм Цитадели заранее обречен на провал.

– Вы слишком высокого мнения о себе, генерал, и слишком низко ставите наши интеллектуальные способности. Есть много других способов, не менее эффективных, чем применение стратегической авиации.

– Ну, например? – Званцев развалился в кресле, закинув ногу на ногу.

Надо бы сбить с него спесь, – подумал Шаркер.

– Что вам известно о секте «Пламенный Крест», генерал? – словно между прочим осведомился он, с нескрываемым удовольствием заметив, как тень неприятных воспоминаний тут же скользнула по лицу Званцева.

– Это фанатики-то недобитые? – попытался с деланным презрением отмахнуться генерал.

– У меня есть сведения, что они не так уж и слабы, – продолжал намеренно давить на большую мозоль Шаркер. – После получившей широкую огласку казни захваченного сектантами господина Семеркина, если не ошибаюсь – всемирно известного ученого, изучавшего Пятизону, вашими «презренными фанатиками» заинтересовались вполне серьезные люди.

– Какой смысл обсуждать прошлые события? – нахмурился генерал. – Инцидент произошел больше года назад.

– И все это время секта росла, получая солидное финансирование, – заметил Шаркер. – Росла и крепла, несмотря на заверения вашего правительства, что Сосновый Бор полностью контролируется военными.

– Вы просто хотите досадить мне! – На щеках генерала появились пунцовые пятна. Он живо вспомнил события января прошлого года, едва не стоившие ему карьеры. Шаркер, скотина, все же нашел способ уязвить его самолюбие. Пытаясь справиться со вспышкой гневных эмоций, Званцев потянулся за широким бокалом, прикрыл глаза, раздувая ноздри, делая вид, что смакует аромат дорогого коньяка, но стало лишь хуже – щеки по-прежнему горели, как в тот злополучный день, когда командующий объединенной группировкой, будучи вне себя от ярости, отхлестал его по морде свернутым в трубку зарубежным глянцевым журналом, на обложке которого красовалась шокирующая фотография процедуры аутодафе, а ниже располагалась броская подпись: «Фанатики сжигают ученых на виду у офицеров спецвойск».

Званцеву тогда дали месяц на уничтожение группировки, но справиться с ситуацией удалось лишь недавно.

Нужно сказать, что год назад генерал знал о «Пламенном Кресте» до смешного мало.

...Они именовали себя «праведниками», носили черную экипировку, украшенную языками пламени, изображенными в виде креста. Секту организовал некто Дьякон. Поначалу вокруг новоявленного проповедника, тронувшегося умом во время катастрофы, объединился разномастный сброд, но постепенно секта набрала силу, выработала собственную идеологию, поставив себе целью преследование ученых, объявив их главными приспешниками нечистой силы, а науку, изучающую Пятизонье, – новой формой ереси, несущей угрозу всем людям.

Военные и сталкеры долгое время не придавали значения вылазкам фанатиков, ошибочно считая их сатанистами, брезгливо отмахиваясь от периодически появляющихся сообщений о нападениях на отдельные группы ученых и учиненных над пленными расправами, обставленными как «суды инквизиции».

Пренебрежение дорого стоило. В Пятизонье, где жизнь – это череда смертельных опасностей, силу уважают если не все, то большинство. Постепенно у «Пламенного Креста» появилось немало последователей, а таинственным Дьяконом заинтересовались некие теневые дельцы из Большого Мира. В итоге группировка как-то резко окрепла, ряды ее бойцов существенно пополнились, обновилось вооружение, экипировка, что говорило о серьезном внешнем финансировании.

Первоначально база «праведников» располагалась в подвалах полуразрушенной многоэтажки, затем группировка перебралась в лишившуюся единственного купола церковь Неопалимой Купины, в Сосновом Бору. Строение, примечательное тем, что при виде сверху напоминает знак радиационной опасности, после захвата боевиками «Пламенного Креста» быстро превратилось в крепость фанатиков, их святилище, а заодно стала занозой для военного командования и лично для генерала Званцева.

После конкретной выволочки, полученной от начальства, он поклялся вскрыть гнойник, однако изворотливость Дьякона и фанатичная преданность его последователей трижды срывали тщательно спланированные спецоперации.

После ряда неудач Званцев, потеряв всякое терпение, начал всерьез подумывать непосредственно о штурме укрепленной церкви, хотя такой отчаянный шаг предполагал значительные потери со стороны военных и сталкеров – «праведники» скорее бы погибли все до единого, чем позволили «осквернить» обретенное святилище.

От отчаянного шага его отговорил комендант Соснового Бора, ранее служивший в подразделении службы внешней разведки. Он предложил поступить хитрее – организовать несколько ложных научных экспедиций, выманив основные силы фанатиков в погоню за «учеными», которых на самом деле будут изображать бойцы спецназа. В случае успеха в церкви на территории Соснового Бора оставался лишь небольшой гарнизон – сам Дьякон и его личная охрана, справиться с которыми уже не составляло труда силами чистильщиков.

Четвертая по счету спецоперация прошла как по нотам. Званцев верно предположил, что Дьякон не станет жертвовать собственной жизнью, цепляясь за оборону церкви, – как только

глава секты «Пламенный Крест» понял, что твердыня окружена, он не принял боя, оставил заслон из десятка фанатиков, а сам с группой приспешников ускользнул, скрывшись через специально оборудованный подземный ход, выходящий на поверхность неподалеку от тамбура.

Перехватить Дьякона не удалось. Где он находится теперь – неизвестно. Церковь взяли под контроль, основные силы группировки были уничтожены, но для Званцева одержанная победа отдавала горечью нереализованной мести – он хотел бы лично, медленно, по капле выдавить из Дьякона всю его поганую кровь...

...Вынырнув из омута тяжелой задумчивости, генерал вздрогнул, залпом допил коньяк и, исподлобья взглянув на Шаркера, произнес:

– Мы вышибли фанатиков из Соснового Бора. Тема закрыта. Не вижу, как эта кучка беглецов сообразуется с вашими планами, касающимися Ордена.

– Я в курсе последних событий, – самодовольно кивнул Шаркер. – Также я знаю, что к вам в руки попал их склад, где хранилась весьма специфичная боевая экипировка, изготовленная по специальному заказу и доставленная в Пятизоне из-за границы Барьеров.

– Допустим.

– Тогда к делу, генерал. Я не стану просить вас штурмовать Цитадель Ордена. Ее инфраструктура создана при нашей материальной поддержке и еще пригодится синдикату в ближайшем будущем. В данный момент мы хотим вернуть генетический материал, который присвоил командор Хантер.

– То есть людей, отправленных в Орден для экспериментальных имплантаций? – уточнил Званцев.

– Верно. Большинство из тех, кто выжил при имплантациях и перенес психологическую ломку, сейчас стали кандидатами в послушники Ордена. Они ожидают испытания, необходимого для посвящения. Мы предоставим командору повод для боевого крещения новых послушников. Вы, генерал, – Шаркер неожиданно ткнул пальцем в грудь Званцева, – предоставьте синдикату необходимую материальную базу и дадите наиболее опытных проводников. Не возражайте, я еще не закончил! – Голос представителя синдиката теперь глухим эхом метался в тесной тишине помещения. – Для проникновения в Цитадель я предоставлю наемников, которых вы переоденете в экипировку боевиков «Пламенного Креста» и обеспечите им режим наибольшего благоприятствования на территории Соснового Бора.

– Сколько? – севшим голосом спросил Званцев.

– Не понял? – Шаркер вскинул на него пристальный взгляд. – Сколько чего? Денег? Вы еще не выслушали до конца, генерал. О вашем вознаграждении поговорим позже...

– Сколько людей вы намерены переодеть и провести через тамбур Соснового Бора?!

– Не менее полусотни человек, – не задумываясь, ответил Шаркер.

– Слишком много для тайной операции и мало для штурма! – Званцев недоумевал, ему не нравилось требование, выдвинутое Шаркером, и сейчас он бессознательно искал лазейку, чтобы мотивированно отказать синдикату в содействии.

– Я же сказал, мы не собираемся штурмовать Цитадель, – недовольно повторил Шаркер.

– Тогда зачем нужны полсотни бойцов? – упрямо допытывался генерал.

– Большая часть из них – пушечное мясо. Нам необходимо оставить подле Цитадели достаточное количество трупов в экипировке боевиков «Пламенного Креста», – нехотя ответил представитель синдиката. – Хантер далеко не глуп. Провоцируя его, придется идти на жертвы.

Званцев, немного успокоившись, кивнул. *Хрен с ней, с экипировкой*, – подумал он, – *за Барьер ее не отправили, а что со складов в Бору исчезает, всегда можно списать, в первый раз, что ли? Главное, чтобы людей не требовал. Выгорит у синдиката провокация или нет – еще вилами по воде писано, а у Ордена руки длинные, в случае чего и за Барьером достанут...*

– Смысл акции? – взяв некоторое время на раздумье, спросил генерал.

– А почему я должен раскрывать вам наши планы? – сощурился Шаркер.

– Потому что вы требуете не только предоставления коридоров и экипировки, но и проводников, которые при неблагоприятном стечении обстоятельств укажут на меня! Я должен знать, во что ввязываюсь! – Озлобленно отреагировал Званцев. – Если ваши наемники не справятся с миссией, элементарно провалят задание, мне тоже не поздоровится! Молчать на допросах они ведь не станут, верно?

– Генерал, мы все предусмотрели.

– Все предусмотреть невозможно! Особенно в Пятизоне! Либо выкладываете свой план, либо ищите других помощников!

– Ладно. – Представитель синдиката прекратил расхаживать по комнате, вернулся в кресло. – Из полусотни человек только десять будут непосредственно работать в Цитадели. Остальные – массовка, прикрытие для основной группы.

– Имплантированные, надеюсь? – Генерал пытливо взглянул на Шаркера. – Мнемотехники Ордена сумеют отличить сталкера от натурала!

– Мы все предусмотрели, – вновь повторил Шаркер. – Тот сброд, что нанят нами в пустоши, вполне соответствует по уровню имплантаций рядовым боевикам «Пламенного Креста». Никто ведь в точности не знает, какова была истинная численность секты? И вы, генерал, насколько я осведомлен, не поспешили доложить начальству о количестве захваченных в церкви комплектов экипировки, верно?

Званцев мрачно промолчал в ответ.

Налив себе коньяка, он вернулся к теме, от обсуждения которой так ловко ушел представитель синдиката:

– Роль моих проводников? Где гарантии, что их не порешат вместе с вашим пушечным мясом? Без плана операции я и палец о палец не ударю для ее осуществления!

– Все достаточно просто, генерал, не стоит так переживать. На территории Ордена мои люди войдут в контакт с несколькими послушниками-рenegатами, недовольными политикой командора Хантера. Затем диверсионное подразделение проникнет в Цитадель через тайные ходы. Их задача – вклеить Ордену кровавую пощечину, на которую командор не сможет не отреагировать.

– Вы собираетесь выманить его из Цитадели, спровоцировать на преследование?

– Именно. В одном вы правы, генерал, – твердыня Ордена неприступна, по крайней мере для тех сил, которые на данный момент способен выставить синдикат. Но мы хорошо изучили личность командора. Публичный вызов и пленение хотя бы нескольких офицеров Ордена вынудят его к преследованию «сектантов». Именно такая скромная задача ставится перед основной диверсионной группой. Кстати, если вам интересно, Дьякон и его приспешники сейчас пребывают в пространстве пустоши. Не скажу, что в добром здравии, но живы. Группа вольных сталкеров видела их мельком и распространила информацию по сети. Так что у командора не возникнет сомнений – он сложит два и два, отправившись в пустошь во главе основных сил Ордена.

– Которые порвут фанатиков, освободят пленных, а потом разберутся в случившемся и вздернут ваших работодателей на дыбе, в назидание остальному миру, – буркнул Званцев.

– Ничего подобного не произойдет, – спокойно возразил Шаркер. – Остатки фанатиков, выживших после вашей спецоперации, – лишь наживка. В пустоши бойцов Ордена будут поджидать настоящие профессионалы. Мы вернем себе весь предназначенный для запланированных опытов человеческий материал, а остальных просто уничтожим. Впрочем, это уже вне вашей компетенции... – осекся Шаркер.

– Фактически вы собираетесь уничтожить Орден и ввести в Цитадель силы синдиката?!

– Это уже не ваше дело!

– Нет уж. Мое, – неожиданно уперся генерал. – Захват Цитадели не принесет ничего хорошего. Ваши цепные псы быстро превратятся в крыс, засевших в норе. Пятизонье – это не Внешний Мир. Тут свои законы, и диктует их не армия, не синдикат, а сталкерские группировки и аномальные пространства. Орден прекратит боевые операции, что автоматически приведет к неоправданному усилению позиций Ковчега. Вы предлагаете мне своими руками создать трудности, за которые я понесу ответственность перед командованием?

– Мы вас прикроем.

– Сомневаюсь. Не тот уровень. Генерал Шепетов не пойдет на сговор с вами. Его уже пытались купить, и не раз.

– Не ваша забота, – отрезал Шаркер. – Или организовать безопасный коридор для прохождения наемников и предоставить проводников уже выше сил генерала Званцева?

– Да с вашим рейдом проблем не будет. Организую. – Званцев вдруг понял, что действительно организует – слишком глубоко он заглотил наживку, брошенную однажды международным техносиндикатом. – А что дальше? Ведь полный беспредел наступит! Вы собираетесь разрушить баланс сил, складывавшийся годами...

– Генерал, вспомните древнюю мудрость: после нас – хоть потоп. Кто виноват во всем? Сектанты, фанатики. А вы тут при чем? Обеспечьте секретность, не дайте Шепетову узнать правду, и все будет нормально. Смута как начнется, так и пройдет. С Ковчегом мы тоже разберемся. Сделаете все на должном профессиональном уровне – останетесь при деньгах и в шоколаде.

Званцев некоторое время напряженно размышлял, но затем все же был вынужден кивнуть.

У дерьма и шоколада одинаковый цвет, – внезапно подумалось ему.

* * *

Дарлинг слышала все от первого до последнего слова.

В первый момент рассудок помутился, в сознании билось лишь одно слово: *предательство...*

Предали все. Начиная от командования армейской группировки, заканчивая командором Ордена.

Последняя мысль далась особенно тяжело, именно она ударила, словно энергетическая плеть, на миг погрузив душу и разум в сумерки.

Хантер. Он торговал людьми, сталкерами, послушниками Ордена!.. Сколько лет он грел на своей груди гадюку, которая теперь собиралась его ужалить?

Предательство...

Первым порывом Титановой Лозы стало неистовое желание вырезать паучье гнездо, свитое на Бетонном острове, выжечь тут все, не оставив никого в живых.

Горе и гнев, такие живые и сильные, едва не подтолкнули ее к безумному поступку.

Нет... – Ее кулаки медленно разжались. Если расправиться со Званцевым, вырезать наймитов синдиката, Орден падет. Шаркер – лишь пешка, а его хозяева далеко, до них сейчас не дотянуться ни рукой, ни пулей, они переживут потерю эмиссара и придумают что-то новое, еще более худшее. «Сейчас я хотя бы знаю их планы и могу уберечь Орден от уничтожения», – твердила себе Дарлинг, стараясь унять требующую немедленного мщения боль, вернуть утраченный самоконтроль. Но ощущение глобального предательства не позволяло вздохнуть, и она, не выдержав, беззвучно разрыдалась.

Боль не исчезла. Саднящее чувство тревоги не покинуло душу, оно лишь затаилось где-то в груди, но рука Титановой Лозы уже соскользнула с наборной рукоятки ножа, которую она стиснула в побелевших пальцах, когда горький удушливый ком подступил к горлу.

Орден был для нее всем – домом, семьей, смыслом, он заменил десятки других понятий, стертых с лика земли и из памяти Дарлинг катастрофой пятьдесят первого года.

И тем больше, тем горше оказался внезапный удар.

Я вернусь... – твердила она себе, спускаясь по ржавым скобам вертикального колодца.

* * *

Бледный, стылый рассвет занимался над руинами города.

Обычный для Академзоны непрекращающийся погодный катаклизм разыгрался этим утром не на шутку: тяжелые, напитанные пеплом мрачные облака неслись под незримым куполом Барьера, двигаясь от центра отчужденного пространства, где медленно вращался исполинский смерч, к периферии. Ураганные порывистые ветра сминали свинцовые плиты облачности, рвали их на седые космы, заметали пепельно-серыми хлопьями изуродованный, нагой, лишенный даже намека на органическую жизнь ландшафт, похожий на декорацию, подготовленную к съемкам фильма о другой планете, где цивилизация давно погибла, убив себя и окружающую природу.

Огромные трещины змеились по поверхности земли, некоторые из них достигали десяти метров в ширину, серые водопады, образованные похжей на пепел субстанцией, низвергались в тектонические разломы, а через минуту мутными, гудящими потоками их выбрасывало через мелкие кратеры, напитанные жаром от подземных источников тепла.

Внезапно в бледные краски раннего утра вплелось слабое зеленоватое мерцание: полосы холодного света, похожие на сполохи одноцветного полярного сияния, то появлялись, то исчезали, обращая на себя внимание всех существ, неважно, будь то вольный сталкер, боевик Ковчега или механоид.

Приближалась пульсация Узла – коварное явление, одинаково опасное как для людей, так и для механических форм жизни, населяющих Пятизоне.

Любой, кто заметил в небе сполохи мертвенного света, спешил найти укрытие, чтобы переждать удар стихии. И люди, и механоиды всех мастей отдавали предпочтение подземным убежищам. Неудивительно, что в такие минуты между ищущими спасения существами вспыхивали короткие, ожесточенные схватки за какой-нибудь полуразрушенный подвал, и лишь дикие, лишенные механических носителей скорги – эти вездесущие обитатели отчужденных пространств – никак не реагировали на признаки близящегося катаклизма. Очередной удар стихии являлся для них благом, единственным в своем роде мутагенным фактором, способом освоения новых уголков Пятизонья. Среди тонн вещества, попадающих при пульсации в Узел, спорадически транспортируемых из одного пространства в другое, перемещались и дикие колонии скоргов, при этом они обменивались фрагментами, составляя новые агломерации, получая уникальные сочетания свойств...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.